

Петров С

И А Гончаров

С.Петров

И.А.Гончаров

(Критико-биографический очерк)

В одной из своих статей А. М. Горький писал: "В России каждый писатель был воистину и резко индивидуален, но всех объединяло одно упорное стремление - понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе ее народа, об ее роли на земле. Как человек, как личность, писатель русский доселе стоял освещенный ярким светом беззаветной и страстной любви к великому делу жизни, литературе..."

К числу таких русских писателей относится и Гончаров. В литературной деятельности Гончаров видел свое призвание, свое общественное назначение. Отмечая 125-летие со дня рождения Гончарова, "Правда" назвала его "великим русским писателем".

Гончаров вошел в русскую литературу как прогрессивный писатель, как выдающийся представитель той школы художников-реалистов 40-х годов, которые продолжали традиции Пушкина и Гоголя, воспитывались под непосредственным воздействием критики Белинского.

Исторической эпохой, взрастившей творчество Гончарова, были 40-60-е годы прошлого столетия, время глубокого кризиса феодально-крепостнического строя, период ликвидации крепостного права, подъема демократического движения в России. Эта эпоха и нашла свое отражение в трех романах писателя: "Обыкновенная история", "Обломов", "Обрыв".

Центральной темой творчества Гончарова всегда были судьбы его родины. "То с грустью, то с радостью, смотря по обстоятельствам, наблюдаю благоприятный или неблагоприятный ход народной жизни", - писал Гончаров. В крупнейших своих произведениях, как на это указывает сам писатель, он стремился ответить на вопросы, которые выдвигались современной ему русской жизнью.

Творчество Гончарова сыграло большую роль в истории русской литературы XIX века, в развитии критического реализма, в создании русского реалистического романа.

^T^U

Иван Александрович Гончаров родился в Симбирске 18 июня 1812 года. Детские годы Гончарова прошли в патриархально-крепостнической обстановке богатой полупомещицкой, полукупеческой усадьбы. Гончаров видел повсюду картины беспечной, сонной, ленивой жизни обитателей усадьбы, во многом воспроизведенные впоследствии в "Сне Обломова".

Духовные интересы мальчика пробудились в общении с крестным отцом, Трегубовым, человеком просвещенным, связанным с кругами декабристов, заботившимся о воспитании своего крестника. Влиянию обломовских нравов противостояло и чтение книг, которые поглощались в великом множестве. Уже в детстве Гончаров прочитал произведения Ломоносова, Фонвизина, Державина, Жуковского, сочинения Вольтера и Руссо, описания всевозможных путешествий Кука, Крашенинникова, исторические труды Голикова и

Карамзина. В автобиографии Гончаров писал: "Это повальное чтение... открыв мальчику преждевременно глаза на многое, не могло не подействовать на усиленное развитие фантазии, и без того слишком живой от природы".

Московское коммерческое училище, в котором учился Гончаров в 1822-1830 гг., оставило в писателе тягостные воспоминания о бездарных учителях и рутинном преподавании. "Мне тяжело вспоминать о нем", - говорил Гончаров. По свидетельству историка С. М. Соловьева, "в Коммерческом училище учили плохо; учителя были допотопные". И в юношеские годы воспитателем Гончарова оказалась русская литература: он увлекается произведениями Пушкина, которые были для будущего писателя образцом правдивого изображения жизни, школой эстетического вкуса. В юношескую пору возникла, по признанию Гончарова, и его "страсть к писанию"; к творчеству.

Осенью 1831 года Гончаров поступил на словесный факультет Московского университета. Преподавание в университете, гонимом и опальном в условиях страшной политической реакции начала 30-х годов, стояло не на высоком уровне. "Но, несмотря на это, - свидетельствует Герцен, - опальный университет рос влиянием: в него, как в общий резервуар, вливались юные силы России со всех сторон, из всех слоев; в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню, братались между собой и снова разливались во все стороны России, во все слои ее". Передовая часть студентов, в числе которых находились в ту пору Белинский, Герцен, Станкевич, Лермонтов, по своим духовным запросам и стремлениям была выше своих профессоров. Умственное и нравственное развитие передового студенчества протекало в ожесточенных философских и политических спорах в кружках Герцена, Белинского, Станкевича. Мало интересовавшийся общественно-политическими вопросами и событиями Гончаров оказался в стороне от этих споров. Университетские годы представлялись ему впоследствии как время, проведенное "без туч, без гроз и без внутренних потрясений, без всяких историй, кроме всеобщей и российской, преподаваемых с кафедр". Из профессоров университета наибольшее влияние оказал на Гончарова своими талантливymi лекциями по эстетике Н. И. Надеждин.

В области искусства, театра, литературы, которыми он увлекался, духовные интересы будущего писателя сближались с интересами "юных сил России". Как и его передовые сверстники, Гончаров с восхищением смотрел игру великого Щепкина, несшего правду жизни на сцену русского театра, преклонялся перед гением Пушкина. "Я в то время был в чадю обаяния от его поэзии, вспоминал Гончаров, - я питался ею, как молоком матери; стих его приводил меня в дрожь восторга. На меня, как благотворный дождь, падали строфы его созданий ("Евгения Онегина", "Полтавы" и др.). Его гению я и все тогдашние юноши, увлекавшиеся поэзией, обязаны непосредственным влиянием на наше эстетическое образование". На всю жизнь запомнил Гончаров посещение Пушкиным Московского университета в 1832 году.

К студенческим годам относится и первый опубликованный в печати литературный опыт Гончарова. Сблизившись с Н. И. Надеждиным, Гончаров напечатал в его журнале "Телескоп" в 1832 году перевод отрывка из романа французского писателя Евгения Сю "Аттар Гюль".

По окончании университета Гончаров с лета 1834 года до весны 1835 года пробыл в Симбирске, где служил в канцелярии губернатора. Провинциальное дворянско-чиновническое общество не удовлетворяло его: Гончаров решает уехать в Петербург.

Первые десять лет жизни в столице Гончарову пришлось служить мелким чиновником департамента внешней торговли Министерства финансов. Эти годы принесли пользу ему как писателю, много почерпнувшему из своих наблюдений над бюрократическим и коммерческим миром Петербурга. Но о своей чиновничьей службе, об обстановке, которая окружала его с молодых лет, Гончаров всегда вспоминал с отвращением. В 1853 году он писал одному из

своих друзей: "Если бы Вы знали, сквозь какую грязь, сквозь какой разврат, мелочь, грубость понятий ума, сердечных движений души проходил я от пелен и чего стоило бедной моей натуре пройти сквозь фалангу всякой нравственной и материальной грязи и заблуждений, чтобы выкарабкаться на ту стезю, на которой Вы видели меня, все еще... вздыхающего о том светлом и прекрасном человеческом образе, который часто снится мне..."

По собственному признанию Гончарова, он "все свободное от службы время посвящал литературе".

В Петербурге он сблизился с литературно-художественным кружком живописца Н. А. Майкова, сыновьям которого - будущему известному критику Валерьяну и поэту Аполлону Майковым - преподавал литературу. Кружок отличался барско-эстетским характером; главную роль играли в нем сторонники уже отжившего романтизма. На страницах рукописного альманаха кружка появились четыре стихотворения Гончарова, написанные в романтическом стиле. Там же были помещены и ранние повести писателя "Лихая болезнь" (1838) и "Счастливая ошибка" (1839). Сам Гончаров не придавал этим произведениям серьезного значения. В автобиографии 1858 года Гончаров, вспоминая о кружке Майковых, указывал, что он "писал в этом домашнем кругу и повести, также домашнего содержания, то есть такие, которые относились к частным случаям или лицам, больше шуточного содержания и ничем не замечательным".

Повести свидетельствовали о реалистической направленности его раннего творчества. "Лихая болезнь" интересна описаниями быта, жанровыми картинками. В ней осмеиваются мелодраматические декламации романтиков. В образе Никона Тяжеленко, ленивца и чревоугодника, можно видеть черты будущего Обломова. В "Счастливой ошибке" рассказывается история одной романтической любви. Повесть написана в жанре популярных тогда произведений о светской жизни. Реалистическая тенденция повести проявилась в правдивом изображении переживаний влюбленных героев, в таких персонажах, как крепостной слуга, молодой помещик Егор Адуев, в образе которого много черт, предваряющих Адуева-младшего из "Обыкновенной истории".

В 1842 году Гончаров пишет очерки "Иван Саввич Поджабрин" в жанре распространенного в литературе 40-х годов "физиологического очерка". В очерках даны юмористические зарисовки быта большого петербургского дома, выразительные образы дворника, слуги, колоритные жанровые сценки. Образ Поджабрина некоторыми чертами напоминает гоголевского Хлестакова. В очерках проявились наблюдательность писателя, его непринужденный комизм.

Однако очерки "Иван Саввич Поджабрин" мало удовлетворили Гончарова; он не торопился их печатать. Писателю хотелось выступить со значительным по содержанию произведением. К 1843 году относится замысел романа "Старики", в котором Гончаров намеревался дать правдивое изображение обывденной жизни обыкновенных людей. По сюжету роман напоминает повесть Гоголя "Старосветские помещики". Работа вскоре приостановилась. Написанные отрывки не сохранились, но замысел романа, так же как и очерки о Поджабрине, свидетельствовал о переходе Гончарова к изображению реальной действительности в духе Гоголя.

Таким образом, к середине 40-х годов Гончаров уже имел значительный творческий опыт. О том, как овладевал он мастерством писателя, Гончаров на склоне жизни рассказывал одному из своих знакомых:

"Я с 14-15-летнего возраста, не подозревая в себе никакого таланта, читал все, что попадалось под руку, и писал сам непрестанно..."

Все это чтение и писание выработало мне, однако, перо и сообщило, бессознательно,

писательские приемы и практику. Чтение было моей школой, литературные кружки того времени сообщили мне практику, т. е. я присматривался к взглядам, направлениям и т. д. Тут я только, а не в одиночном чтении и не на студенческой скамье, увидел - не без грусти - какое беспредельное и глубокое море - литература, со страхом понял, что литератору, если он претендует не на дилетантизм в ней, а на серьезное значение, надо положить в это дело чуть не всего себя и не всю жизнь!.." С этим высоким пониманием долга и ответственности писателя и вступил Гончаров в русскую литературу.

^TII^U

Литературная деятельность Гончарова началась в мрачную пору царствования Николая I.

После разгрома декабристов в стране усилилась политическая реакция; беспощадно подавлялись малейшие проявления свободолобивой мысли. Характеризуя положение литературы в эту пору, И. С. Тургенев впоследствии вспоминал: "Едва ли кто из теперешних людей может составить себе понятие о том, какому ежеминутному и повсеместному рабству подвергалась печатная мысль. Литератор - кто бы он ни был - не мог не чувствовать себя чем-то вроде контрабандиста". Царская цензура свирепствовала, запрещая и уродуя лучшие произведения русской литературы. Поэты Полежаев и Шевченко были отданы в солдаты, Чаадаев был объявлен сумасшедшим, Герцен, Салтыков-Щедрин подверглись ссылке. Своими преследованиями самодержавие довело до могилы Пушкина и Лермонтова.

Однако царизму не удалось поработить живую душу народа, сумевшего в 1812 году в борьбе с полчищами Наполеона отстаивать свою национальную независимость. Освободительные идеи все глубже проникали в русскую общественную жизнь, отражая антикрепостнические настроения народных масс, свидетельствуя о глубоком социальном и политическом кризисе феодально-крепостнического строя.

Главным врагом для всех прогрессивно мыслящих русских людей было крепостное право. "Нельзя забывать, - писал В. И. Ленин, - что в ту пору... когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии" {В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 473.}.

Огромную роль в борьбе с крепостным строем сыграла передовая русская литература 40-х годов во главе с великим революционным критиком В. Г. Белинским.

Пушкин, Лермонтов, Гоголь заложили незыблемый фундамент новой русской литературы, обратив ее к реальной действительности, к коренным вопросам русской жизни, придав литературе критическое направление, проникнутое враждой к феодально-крепостному строю. Русская литература приобретает роль воспитателя русского общества, становится делом национальной важности. От обслуживания узкого круга дворянской интеллигенции литература переходит к служению общественным интересам, становится трибуной, с которой в массу читателей шли идеи гуманности и просвещения, призывы к борьбе и протесту против крепостнических нравов, отсталости и застоя русской жизни, против пошлости и дикости помещичье-чиновнического быта. Как отмечает Белинский в знаменитом письме к Гоголю, читатели, общество видели "в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского самодержавия, православия и народности". В условиях борьбы с феодально-крепостническим порядком, как отражение роста антикрепостнических настроений в народных массах, в результате исканий передовой общественной и эстетической мысли рождается и развивается реализм в русской литературе. Передовыми писателями великий учитель русской литературы, глубокий теоретик и неутомимый пропагандист реалистического искусства считал тех писателей, которые "воспроизводят жизнь в действительности, в ее истине".

Блестящая плеяда таких писателей появляется в русской литературе во второй половине 40-х годов. В это десятилетие начинается литературная деятельность А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, а немного позднее Л. Н. Толстого. Их творчество определяет развитие русской литературы во вторую половину XIX века. К этой группе писателей относится и Гончаров.

Развитие реализма в творчестве Гончарова было связано с антикрепостническими настроениями писателя. В середине 40-х годов на Гончарова оказал большое влияние Белинский, с которым он знакомится весной 1846 года. Об этом влиянии говорит сам писатель. "Беллетристы, изображавшие в повестях и очерках черты крепостного права, - указывает он, - были, конечно, этим своим направлением более всего обязаны его (Белинского. - С. П.) горячей _ и словесной и печатной - проповеди". До конца жизни Гончаров с глубоким уважением отзывается "о светлых кругах тогдашних деятелей", "о передовых людях 40-х годов". "Белинскому, Грановскому и прочим вокруг них приходилось рассеивать мрак не одного эстетического неведения, а бороться еще с непробудной помещицей, общественной, народной тьмой, будить умы от непробудного сна: - пишет Гончаров в предисловии к роману "Обрыв". ...Крепостное право, телесное наказание, гнет начальства, ложь предрассудков общественной и семейной жизни, грубость, дикость нравов в массе - вот что стояло на очереди в борьбе и на что были устремлены главные силы русской интеллигенции тридцатых и сороковых годов. Нужно было с критической трибуны, с профессорской кафедры, в кругу любителей науки и литературы, под лад художественной критики взывать к первым, вопиющим принципам человечности, напоминать о правах личности, собственности и т. п."

Содержащийся в высказывании Гончарова перечень общественных вопросов, волновавших русских людей 40-х годов, свидетельствует о влиянии на него в эту пору знаменитого письма Белинского к Гоголю. "Я разделял во многом образ мыслей относительно, например, свободы крестьян, лучших мер к просвещению общества и народа, о вреде всякого рода стеснений и ограничений для развития", - вспоминает впоследствии Гончаров. В мировоззрении и общественных симпатиях Гончарова в 40-е годы ясно ощутимы демократические тенденции, питавшие сильные стороны его творчества, как художника-реалиста.

Но в среде писателей, группировавшихся вокруг Белинского, уже к середине 40-х годов давали себя чувствовать идейные различия, расхождения во взглядах на ближайшие задачи общественного движения в России. Революционная программа борьбы против феодально-крепостнического строя, сложившаяся у Белинского и, Герцена, их материалистическое мировоззрение, их социалистические идеи сталкивались с умеренно-демократическими или либеральными тенденциями творчества ряда писателей 40-х годов. Критическое направление в русской литературе оказывалось идейно неоднородным, и чем сильнее обострялась классовая борьба в России, тем острее становились разногласия, полностью определившиеся в канун падения крепостного права.

В мировоззрении Гончарова антикрепостнические взгляды, сближавшие его с кружком Белинского, сочетались с отрицательным отношением к революционной программе преобразования феодально-крепостнической России и к социалистическим идеям великого революционера-демократа. Однако до конца жизни Гончарова Белинский оставался для него великим гуманистом и просветителем, учителем в вопросах искусства и литературы.

^TIII^U

Замыслы всех трех основных произведений Гончарова - романов "Обыкновенная история", "Обломов" и "Обрыв" - возникают в 40-е годы, в ту пору, когда писатель был наиболее близок к демократическому отрицанию феодально-крепостнического строя.

Замысел "Обыкновенной истории" возникает в 1844 году, а в начале 1846 года Гончаров

заканчивает роман.

Прежде чем отдать свое произведение в печать, писатель решает ознакомить с ним Белинского. "Я с ужасным волнением передал Белинскому на суд "Обыкновенную историю", не зная сам, что о ней думать", - вспоминал он впоследствии. Белинский с глубоким интересом отнесся к роману. По словам самого писателя, великий критик при каждом свидании с ним осыпал его горячими похвалами и пророчил ему много хорошего в будущем.

"Обыкновенная история" была напечатана в "Современнике" в 1847 году в третьей и четвертой книгах журнала. "Повесть Гончарова произвела в Питере фурор - успех неслыханный, - писал Белинский В. П. Боткину весной 1847 года. - Все мнения слились в ее пользу... Действительно, талант замечательный". В своей статье "Взгляд на русскую литературу 1847 года" Белинский дал высокую оценку "Обыкновенной истории", подчеркнув жизненную верность содержания романа, его типов, назвав роман "одним из замечательных произведений русской литературы". Оценивая каждое новое явление русской литературы с точки зрения борьбы с крепостническим строем, со всем отсталым и косным в русском обществе, революционный демократ Белинский считал, что роман Гончарова принесет большую пользу русскому обществу, нанося "страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму", всему, что задерживало прогрессивное развитие русской жизни.

"Обыкновенная история" примыкала к тем произведениям о городской столичной жизни, которые появились в русской литературе к середине 40-х годов, и была из них самым значительным по широте охвата действительности, по глубине раскрытия исторических тенденций в развитии русского общества того времени, по силе реалистического искусства.

Действие романа происходит примерно с начала 30-х до середины 40-х годов. В "Обыкновенной истории" нашли свое отражение те перемены в русской жизни, которые в эту пору происходили на почве все усиливавшегося развития буржуазно-капиталистических отношений в России, подрывавших феодально-крепостнический строй. Роман был направлен против крепостнической отсталости, против провинциально-помещичьей праздности, затхлости и застоя.

Гончарову хотелось подчеркнуть своим романом приближение, как он говорил, "сознания необходимости труда, настоящего, не рутинного, а живого дела в борьбе с всероссийским застоєм". Он указывал, что "Обыкновенная история" является маленьким зеркалом того, что в том же духе, но в разных масштабах разыгрывалось в самых различных сферах русской жизни конца 30-х начала 40-х годов. Обличая никчемность и беспочвенность ложных, уводивших от действительности, маниловских представлений о жизни, свойственных большинству дворянской интеллигенции 30-х годов, Гончаров поддерживал своим романом ту борьбу с лжеромантизмом в жизни и литературе, которую вели с начала 40-х годов Белинский, Герцен и другие передовые русские люди. В работе над романом, в понимании новых явлений и черт русской действительности существенную помощь писателю оказали статьи Белинского, в которых критик высмеивал "романтических ленивцев и вечно бездеятельных или глуподеятельных мечтателей" ("Русская литература в 1845 году").

"Недовольство судьбою, брань на толпу, вечное страдание, почти всегда кропание стихов и идеальное обожание неземной девы - вот родные признаки этих "романтиков" жизни", - писал Белинский, как бы предваряя этой характеристикой образ Адуева-младшего. В другой статье 1845 года "Петербург и Москва" Белинский рассуждает о двух противоположных типах людей, из которых одни отличаются презрением и равнодушием к миру практическому, живя в мире отвлеченном, идеальном, а другие, кроме этого практического мира, ни о чем знать не хотят, а в идеалах видят одни мечты.

Эта отмеченная Белинским антитеза и воплощена в романе Гончарова в образах Адуева-племянника и Адуева-дядюшки. Несомненно, Гончаров был знаком и с известными

статьями Герцена "Дилетантизм в науке", опубликованными в "Отечественных записках" в 1843 году, направленными против "мечтательного романтизма", как выражался Герцен.

Раскрывая общественно-исторический смысл своего романа, сам Гончаров указывал, что "в борьбе дяди с племянником отрази* лась и тогдашняя только что начинавшаяся ломка старых понятий и нравов - сентиментальности, карикатурного преувеличения чувств дружбы и любви, поэзия праздности, семейная и домашняя ложь напускных, в сущности небывалых чувств... пустая трата времени..."

В образе и судьбе Адуева-племянника Гончаров, по его словам, стремился воплотить "всю праздную, мечтательную, аффектационную сторону старых нравов". По словам Белинского, Александр Адуев, происходя по прямой линии от пушкинского Ленского, "был трижды романтиком - по натуре, по воспитанию и по обстоятельствам жизни". Петербургская жизнь беспощадно разбивает романтические иллюзии Александра Адуева, воспитанного в тепличной обстановке крепостной помещичьей усадьбы. Вместе с тем Гончаров показывает, что псевдоромантические настроения Адуева скрывали под собой эгоизм, самолюбование и неприспособленность к жизни. Не случайно Адуев из романтика превращается в трезвого и практического карьериста-чиновника и дельца с ограниченными интересами и мещанским, филистерским пониманием жизни.

Образ Адуева-старшего сложился в творческом воображении Гончарова под впечатлением его встреч и знакомств в бюрократическом и коммерческом мире столицы. Среди близких знакомых писателя в годы службы в Петербурге были, например, видный чиновник министерства государственных имуществ А. П. Заблоцкий-Десятовский, автор ряда статей по экономическим вопросам, которые решались им в буржуазно-либеральном духе; крупный чиновник министерства финансов Солоницын, сторонник буржуазного прогресса. Видные бюрократы, связанные с промышленно-финансовыми кругами столицы, они в то же время являлись участниками кружка Майковых, интересовались литературой, искусством. Петр Иванович Адуев во многом напоминает их. Он видный чиновник, заводчик-предприниматель, что было для того времени, по свидетельству Гончарова, смелой новизной и нарушением привычных дворянских традиций. Вместе с тем писатель стремится представить его культурным и образованным человеком.

Развенчивая под несомненным влиянием Белинского реакционно-романтическое понимание жизни, Гончаров критически отнесся и к буржуазному делячеству, к голому практицизму, хотя образ дядюшки ему несомненно импонировал: он внес в этот образ идеализирующие его черты.

Как отмечает Белинский, дядюшка "эгоист, холоден по натуре, не способен к великодушным движениям". И в сущности в жизни самого дядюшки немало застойного. Рутинная бюрократическая служба, поездки на завод, карточная игра с влиятельными партнерами - вот, собственно говоря, и все, чем живет Петр Иванович Адуев. Читатель не очень верит тому, что дядюшка человек высокой культуры, любит и понимает искусство и т. д. При всей своей склонности обстоятельно обо всем рассказывать, раскрывать источники жизненных явлений Гончаров не посвящает нас в то, каким образом и откуда возникли у старшего Адуева интерес к искусству, к многообразным знаниям. Да ведь и произведения искусства являются для Петра Ивановича Адуева главным образом предметом комфорта. Лизавета Александровна Адуева, жена Петра Ивановича, пытается понять жизненные принципы своего мужа. "Что было главной целью его трудов? Трудился ли он для общей человеческой цели, исполняя заданный ему судьбою урок, или только для мелочных причин, чтобы приобрести между людьми чиновное и денежное значение, для того ли, наконец, чтобы его не гнули в дугу нужды, обстоятельства?... О высоких целях он говорить не любил, называя это бредом, говорил сухо и просто, что надо дело делать". Под отказом от высоких целей в жизни и деловитостью скрывался эгоизм и ограниченность буржуа.

Гончаров правильно показал в романе ломку старых отношений и понятий, приход им на смену новых буржуазных отношений, появление новых характеров, "трезвое сознание необходимости дела, труда, знания". Но дядюшка вовсе не был подлинно новым человеком и тем более выразителем борьбы с "всероссийским застоением". Новые люди, действительно принесшие с собой отрицание всего крепостнического, отсталого, пришли позднее, и их выдвигала, как правило, не дворянско-поместная среда, из которой вышли оба Адуева. Хладнокровный и расчетливый дядюшка и романтически настроенный племянник-антиподы в своем понимании жизни. Но объективно они вместе представляют собой и единство противоположностей, в одинаковой мере взращенных феодально-крепостническим строем периода его глубокого кризиса. Сущность эгоистического, индивидуалистического отношения к жизни, к людям одна и та же как у романтика Александра, так и у практика дядюшки.

Белинский правильно указал на известное прогрессивное значение для русской жизни крепостной эпохи таких людей, как Петр Иванович Адуев. Однако великий критик отчетливо видел всю ограниченность "практической натуры" буржуа-предпринимателя, хотя бы и культурного. "Уважаю практические натуры, *les hommes d'action*, но если вкушение сладости их роли непременно должно быть основано на условии безвыходной ограниченности, душной узости - слуга покорный, я лучше хочу быть созерцающей натурой, человеком просто, но лишь бы все чувствовать и понимать широко, привольно и глубоко", - писал он Боткину 8 марта 1847 года.

Критические идеи романа нашли свое выражение и в образе жены Петра Ивановича. На ее тягостной судьбе Гончаров раскрыл всю ограниченность и эгоизм житейской философии дядюшки, как выразителя новых буржуазных принципов жизни. Еще Белинский справедливо отметил, что, несмотря на честность и порядочность Петра Ивановича, "бедная жена его была жертвою его мудрости. Он заел ее век, задушил ее в холодной и тесной атмосфере". Жизнь Лизаветы Александровны оказалась лишенной каких бы то ни было увлечений, страсти, поэзии, труда. Образ Лизаветы Александровны Адуевой заключал в себе прогрессивную, одновременно антикрепостническую и антибуржуазную идею утверждения права женщины на счастье, на самостоятельную духовную жизнь.

В беседах Лизаветы Александровны с племянником раскрывается и другая идея романа. Читатель иронизирует по поводу романтических иллюзий и мечтаний молодого Адуева, но в то же время ему жаль, что под влиянием суровой действительности и уроков дядюшки в Александре вместе с пустой мечтательностью и сентиментальностью исчезают простосердечие и искренность, юношеская страстность, способность увлекаться прекрасным. Гончаров показал в романе, что процесс перерождения Адуева-племянника в бюрократа и предпринимателя буржуазного склада, думающего только о выгодной женитьбе, о карьере, о доходах, нес с собой утрату им искренних и благородных человеческих чувств. Эта мысль романа отражала свойства и черты развивавшихся в России буржуазно-капиталистических отношений. Роман Гончарова объективно содержал в себе не только развенчание, говоря словами "Коммунистического манифеста", "патриархальных идиллических отношений", "мещанской сентиментальности", но и критику буржуазного делячества и эгоизма. Он заставлял также читателя критически размышлять над многими нравственными вопросами, поставленными русской жизнью того времени. Именно в этом смысле положительно отзывался о романе Гончарова Л. Н. Толстой. "Прочтите эту прелесть, - писал он в декабре 1856 года В. А. Арсеньевой об "Обыкновенной истории". - Вот где учиться жить. Видишь различные взгляды на жизнь, на любовь, с которыми не можешь ни с одним согласиться, но зато свой собственный становится умнее, яснее".

"Обыкновенная история" была одним из первых реалистических русских романов в прозе. Роман сразу же обнаружил особенности таланта и писательской манеры Гончарова. Он свидетельствовал о стремлении Гончарова к правдивому изображению повседневной жизни, обыкновенных людей. В романе выразительно обрисованы типы русской действительности того времени, типические обстоятельства их жизни, что, как известно, является важнейшим

признаком реализма. Взыскательный художник, Гончаров добивается всестороннего, обстоятельного изображения той среды, которую показывает. Сюжет романа развивается последовательно, события вытекают из особенностей характеров и взглядов персонажей романа. Уже в "Обыкновенной истории" Гончаров проявил себя как мастер бытовых, портретных и пейзажных зарисовок. "Главная сила таланта г. Гончарова, - писал Белинский, - всегда в изящности и тонкости кисти, верности рисунка; он неожиданно впадает в поэзию даже в изображении мелочных и посторонних обстоятельств, как, например, в поэтическом описании процесса горения в камине сочинений молодого Адуева". Белинский восхищался живостью повествования-писателя, мастерством его диалогов. "Рассказ Гончарова в этом отношении не печатная книга, а живая импровизация, - писал великий критик. - Некоторые жаловались на длинноту и утомительность разговоров между дядею и племянником. Но для нас эти разговоры принадлежат к лучшим сторонам романа. В них нет ничего отвлеченного, не идущего к делу; это - не диспуты, а живые, страстные драматические споры, где каждое действующее лицо высказывает себя, как человек и характер, отстаивает, так сказать, свое нравственное существование". Роман "Обыкновенная история" принадлежит к числу тех замечательных произведений конца 40-х годов, которые упрочили победу реализма в русской литературе.

^TIV^U

Осенью 1852 года Гончаров отправился в кругосветное путешествие на русском военном корабле фрегате "Паллада" в качестве секретаря начальника экспедиции адмирала Путятина. Главной целью экспедиции было завязывание политических и торговых отношений с Японией. Гончаров был приглашен для описания плавания русских моряков. Он принял предложение, "чтобы видеть, знать все то, что с детства читал как сказку, едва веря тому, что говорят". Путешествие продолжалось два с половиной года. Его описанием явились два тома очерков, изданных под названием "Фрегат "Паллада".

Русский корабль посетил много стран. Наиболее интересны очерки, посвященные жизни народов Азии, с которой пришлось познакомиться писателю. Гончаров увидел проникновение капитализма в патриархальные отношения, веками сложившиеся у народов Востока. Олицетворением капиталистической цивилизации является в очерках мастерски нарисованный образ предпринимателя-дельца, фигуры "в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках", которую, как своего рода символ, Гончаров наблюдал на лондонской бирже, а затем встречал и у подошвы горы Мадеры, и на юге Африки, и на плантациях Китая и Филиппин.

Виденное в путешествии вызвало у писателя противоречивые настроения. В суждениях писателя много ошибочного: Гончарову представлялась прогрессивной роль всемирной торговли, которая распространялась повсюду, проникая во все страны. Не раз в своих очерках он указывает на положительные стороны буржуазной "предприимчивости" и деловитости, буржуазного "прогресса", который, как казалось Гончарову, несет отсталым народам культуру и просвещение.

Но от внимательного взгляда писателя не скрылись беспощадная жестокость и жадность английских и американских капиталистов-захватчиков, стремившихся при помощи торговли и пушек к порабощению отсталых народов Африки и Азии. Правдивый художник, Гончаров, противореча своему общему отношению к буржуазному прогрессу, неоднократно отмечает в своей книге губительные для народных масс стран Востока последствия капиталистической разбойнической колониальной политики. Глубоко возмущает писателя "повелительно-грубое или презрительное отношение" англичан к туземцам Африки и Азии. "Они не признают этот народ за людей, - пишет Гончаров, - а за какой-то рабочий скот". Говоря об отношении англичан к китайцам, писатель указывает, что англичане обогащаются за счет Китая, торгуя опиумом. "Бесстыдство этого скотолобивого народа, - пишет Гончаров об английских и американских капиталистах, доходит до какого-то героизма, чуть дело коснется до сбыта

товара, какой бы он ни был, хоть яд!" Указывая на кичливость и жестокость английских дельцов, Гончаров саркастически замечает: "Не знаю, кто из них кого мог бы цивилизовать - не китайцы ли англичан?" С большой симпатией отмечает писатель честность, талантливость и трудолюбие китайского народа, предсказывая ему большую историческую будущность.

Рассказывает Гончаров и о том, как американские колонизаторы разбойничьим образом захватили "под свое покровительство" Ликейские острова. Вслед за англичанами к народам Востока пришли "люди Соединенных Штатов... с бумажными и шерстяными тканями, ружьями, пушками и прочими орудиями новейшей цивилизации", - иронически пишет Гончаров.

Противоречивость описаний и оценок в очерках Гончарова сказывается и на тех страницах, которые посвящены жизни Англии. Положительно оценивая некоторые стороны жизни английского буржуазного общества, Гончаров высказывает недовольство делячеством, сухостью и механизированным бытом делового англичанина, которые поразили его в Лондоне. Поистине блестящи страницы, посвященные изображению того, как в погоне за прибылью лондонский делец превратил себя в машину. Вечером "покойный сознанием, что он прожил день по всем удобствам... выгодно продал на бирже партию бумажных одеял, а в парламенте свой голос, он садится обедать и, встав из-за стола не совсем твердо, вешает в шкафу и бюро неотпираемые замки, снимает с себя машинкой сапоги, заводит будильник и ложится спать. Вся машина засыпает". С неприязнью отмечает Гончаров ханжество и филистерство английского буржуазного общества. "Филантропия возведена в степень общественной обязанности, а от бедности гибнут не только отдельные лица, семейства, но целые страны под английским управлением", - замечает он.

Рисуя картины жизни Японии, писатель правильно отмечает глубокий кризис феодального строя в стране, нищенское положение, в котором находится японский народ, и вместе с тем его трудолюбие.

Во все время путешествия Гончарова сопровождал образ далекой родины, России. С чувством патриотической гордости вспоминает он о славных русских путешественниках и землепроходцах, которые "подходили близко к полюсам, обошли берега Ледовитого моря и Северной Америки, проникали в безлюдные места, питаясь иногда бульоном из голенищ своих сапог, дрались с зверями, со стихиями, - все это герои, которых имена мы знаем наизусть и будет знать потомство". С горячей симпатией писатель пишет о мужества и самоотверженности русских моряков в борьбе со стихиями, их любви к кораблю частице родины.

"Какой интерес должны теперь представлять его очерки для советской молодежи, воспитывающейся на подвигах наших отважных исследователей", писала в 1937 году "Правда" о "Фрегате "Паллада" Гончарова.

С теплым юмором рисует писатель привлекательный образ матроса Фаддеева и других матросов и офицеров корабля, не останавливаясь, однако, в своих очерках на описании тягостных условий матросской жизни на корабле, на котором многие офицеры во главе с адмиралом Путятиным отличались самодурством и жестокостью.

Очерки выделялись реалистичностью, красочностью и яркостью картин путешествия, природы и быта. Критик-демократ Писарев в своей рецензии указывал, что "на книгу Гончарова должно смотреть не как на путешествие, но как на чисто художественное произведение... В его путевых очерках мало научных данных, в них нет новых исследований, нет даже подробного описания земель и городов, которые видел Гончаров; вместо этого читатель находит ряд картин, набросанных смелой кистью, поражающих своей свежестью, законченностью и оригинальностью". В изображении природы Гончаров отказывается, от

популярных тогда в описательной литературе романтических шаблонов, фантастических пейзажей, зло высмеивая эпигонов романтизма. Очерки продолжили реалистическую традицию в описательной литературе, созданную "Путешествием в Арзрум" Пушкина.

"Фрегат "Паллада" Гончарова во многом представляет собой классический образец очерков о путешествии.

^TV^U

Путешествие вокруг света прервало работу Гончарова над романом "Обломов". Замысел романа возник у него еще в период общения с Белинским. "Вскоре после напечатания в 1847 году в "Современнике" "Обыкновенной истории", - рассказывает сам Гончаров, - у меня уже в уме был готов план "Обломова". Работа над романом шла медленно, с большими перерывами. В феврале 1849 года был опубликован отрывок под названием "Сон Обломова", который сам писатель определил как "увертюру всего романа". Первая часть "Обломова" была вчерне закончена к 1850 году. Возвратившись в Петербург из путешествия, Гончаров снова обратился к роману. "В 1857 г., - рассказывает писатель, - я поехал за границу в Мариенбад и там написал в течение 7-ми недель почти все три последние тома "Обломова".

Впечатления детских лет, годы службы в столице дали писателю обильный материал для его романа. Вспоминая свое детство, Гончаров писал: "Мне кажется, у меня, очень зоркого и впечатлительного мальчика, уже тогда при виде всех этих фигур, этого беззаботного житья-бытья, безделья и лежания и зародилось неясное представление об "обломовщине". Впоследствии это представление обогатилось новыми впечатлениями, отразившимися в романе.

"Обломов" был напечатан в первых четырех книгах журнала "Отечественные записки" за 1859 год. Роман имел большой и шумный успех. Один из современников, критик А. М. Скабичевский, свидетельствует: "Нужно было жить в то время, чтобы понять, какую сенсацию возбудил этот роман в публике и какое потрясающее впечатление произвел он на все общество. Он как бомба упал в интеллигентную среду как раз во время самого сильного общественного возбуждения, за три года до освобождения крестьян, когда во всей литературе проповедовали крестовый поход против сна, инерции и застоя". "Обломов" капитальнейшая вещь, какой давно не было, - писал Л. Н. Толстой в одном из своих писем 1859 года. - Скажите Гончарову, что я в восторге от "Обломова"... Он имеет успех не случайный, не с треском, а здоровый, капитальный, а не временный..." Как об "отличной вещи" отзывался о романе и Тургенев. С глубокой оценкой "Обломова" сразу же после появления романа выступил и Добролюбов в своей знаменитой статье "Что такое обломовщина", напечатанной в майской книге "Современника" в 1859 году.

"Обломов" - наиболее значительное произведение Гончарова. А. М. Горький оценивал "Обломова" как один из самых выдающихся романов русской литературы, подчеркивал его большую обобщающую силу.

Роман появился в обстановке подъема демократического движения и имел большое значение в борьбе передовых кругов русского общества против феодально-крепостнического порядка. Сам Гончаров видел в своем новом произведении продолжение той критики, с которой он выступал в "Обыкновенной истории" против отсталых, косных и застойных нравов.

В "Обломове" нашли свое отображение 40-е и начало 50-х годов: период глубокого и всеобщего кризиса феодально-крепостнического строя, породившего обломовщину. Определяя самый замысел романа, Гончаров отмечает: "Я старался показать в "Обломове", как и отчего у нас люди превращаются прежде времени в... кисель". Обломов превратился в кисель, в "ком теста" крепостная среда, крепостнические нравы, которые и подвергаются в

романе последовательному и всестороннему обличению. Сущность и происхождение обломовщины раскрывается в романе с антикрепостнической, демократической точки зрения. Гончаров показал, что обломовщина сложилась на почве владения "крещеной собственностью", "тремя стами Захаров", что Обломова взрастила дворянская усадьба с ее застойным бытом и помещичьими нравами. "Гнусная привычка получать удовлетворение своих желаний не от собственных усилий, а от других, - пишет Добролюбов об Обломове, - развила в нем апатическую неподвижность и повергла его в жалкое состояние нравственного рабства. Рабство это так переплетается с барством Обломова, так они взаимно проникают друг друга и одно другим обуславливаются, что, кажется, нет ни малейшей возможности провести между ними какую-нибудь границу". Апатия, неподвижность и нравственное рабство отражены Гончаровым даже во внешнем облике Обломова, изнеженного, обрюзгшего не по летам человека, который "наспал свои недуги".

Добролюбов указывал в своей статье, что, рисуя себе идеал беззаботной и привольной помещичьей жизни, обеспеченной трудом крепостных, Обломов не задумывался о своих правах на это и вообще не задавал себе вопросов о "своих отношениях к миру и к обществу". Поэтому он "тяготился и скучал от всего, что ему приходилось делать".

Обломову были присущи хорошие душевные качества, гуманность. В своих суждениях он нередко проявляет критическое отношение к бюрократизму, к пустоте светского общества и т. п. Когда-то Обломов и читал, интересовался литературой, даже задумал научный труд, посвященный России, но все это кончилось все той же обломовщиной. "Жизнь у него была сама по себе, а наука сама по себе, - пишет Гончаров об Обломове. - Его познания были мертвы... Голова его представляла сложный архив мертвых дел, лиц, эпох, цифр, религий... задач, положений... Это была как будто библиотека, состоящая из одних разрозненных томов по разным частям знаний". Проявлением обломовщины была и болезненная мечтательность, выражавшаяся во всякого рода маниловских фантазиях, одолевавших лежавшего на диване Обломова. Непрактичность, беспомощность - вот что характерно для Обломова. "Я, - признается он Мухоярову, - не знаю, что такое барщина, что такое сельский труд, что значит бедный мужик, что богатый; не знаю, что значит четверть ржи или овса, что она стоит, в каком месяце и что сеют и жнут, как и когда продают... я ничего не знаю, - заключил он с унынием". Это было типической чертой большинства дворянской интеллигенции 40-х годов. Весь процесс жизни Обломова рисуется в романе как процесс постепенного духовного и морального оскудения его личности.

Обломоз встретил необыкновенную, чуткую девушку, горячо полюбившую его. Любовь вначале захватила и Обломова, но закончилась она все в том же обломовском духе. Лень, боязнь ломки привычного для него уклада жизни победила в Обломове чувство любви, ему не хотелось переживать ее тревог, нести какие-то обязанности перед другим человеком. Отношения его с Пшеницыной, полной противоположностью Ольги, напротив, вполне соответствовали обломовскому характеру, потребностям его жизни и натуре.

Попытка Ольги Ильинской пробудить Обломова, вызвать его к деятельной жизни кончилась неудачей. В тоске Ольга спрашивает: "Отчего погибло все? Кто проклял тебя, Илья?.. Что сгубило тебя? Нет имени этому злу..." - "Есть, сказал он чуть слышно... - Обломовщина!" Это было последнее проявление его сознания, мысли...

В истории жизни Обломова много трагического. Если бы Гончаров избрал героем своего романа человека, лишенного духовной и нравственной жизни, то его жалкая судьба не взволновала бы читателя. Но Обломов в изображении Гончарова - человек, в котором было заложено много хороших, подлинно человеческих стремлений и качеств. Недаром Ольга полюбила Обломова за его "голубиную кротость" и нравственную чистоту. Сам Гончаров с немалой долей сочувствия относится к Илье Ильичу, когда в нем пробуждается сознание своего постепенного падения. Тоскливое настроение, охватывавшее порой Обломова, свидетельствовало о наличии в нем подлинно человеческих чувств, сопротивлявшихся

обломовщине. На судьбе своего героя Гончаров раскрывает губительное, тлетворное влияние страшной, засасывающей тины крепостнических нравов, паразитической жизни помещичьего класса.

Обломовщина как порождение крепостничества заражала нравственным рабством не только Обломовых, но и окружающих, прививая им свои отрицательные черты. Таков Захар, о котором его барин Илья Ильич думает: "Ну, брат, ты еще больший Обломов, чем я сам".

Русская реалистическая литература не только подвергала критике отрицательные явления русской жизни, но и стремилась противопоставить этим явлениям положительные идеалы, героев, по замыслу их создателей воплощающих в себе исторический прогресс. В своем романе Гончаров также пытается противопоставить Обломову нового и, как ему казалось, положительного героя. Это Андрей Иванович Штольц.

Во взаимоотношениях и характерах Штольца и Обломова Гончаров стремится раскрыть столкновение двух культур: старой, патриархальной, крепостнической, и новой, буржуазно-предпринимательской, которая должна прийти на смену уходящей в прошлое обломовщине. Фигура Штольца как бы продолжает и углубляет черты Адуева-дядюшки из "Обыкновенной истории". Штольц - человек, полный энергии, жажды деятельности. По замыслу Гончарова, Штольц сочетает в себе высокую культуру, знание жизни с предприимчивостью и практичностью. С точки зрения буржуазного идеала Штольц достиг всего: материального благополучия, комфорта, видного положения в обществе.

Штольц - полная противоположность Обломову. Даже его внешний облик Гончаров рисует по контрасту с Обломовым. Штольц "весь составлен из костей, мускулов и нервов, как кровная английская лошадь". Рисуя образ Штольца, Гончаров пишет: "Как в организме нет у него ничего лишнего, так и в нравственных отправлениях своей жизни он искал равновесия практических сторон с тонкими потребностями духа".

Современная роману критика отметила, что образ обрусевшего немца Штольца в качестве учителя жизни явно не удался Гончарову, что в нем нет той исторической правды и реалистичности, которой поразил всех образ Обломова. Гончаров сам должен был признать, что образ Штольца "слаб, бледен, из него слишком голо выглядывает идея".

Штольц - предприниматель, он увлечен своими делами. Но Добролюбов справедливо обратил внимание на то, что тайна деловых успехов Штольца, его преуспевания во всем не раскрыта Гончаровым. "Из романа Гончарова мы и видим только, что Штольц - человек деятельный, все о чем-то хлопочет, бегаёт, приобретает, говорит, что жить - значит трудиться и пр., - пишет Добролюбов. - Но что он делает и как он ухитряется делать что-нибудь порядочное там, где другие ничего не могут сделать, - это для нас остается тайной". Не убедительно в устах Штольца звучит его фраза о том, что "труд есть цель жизни". "Штольц не внушает мне никакого доверия, - заметил однажды Чехов. Автор говорит, что это великолепный малый, а я не верю. Это продувная бестия, думающая о себе очень хорошо и собою довольная. Наполовину он сочинен, на три четверти ходулен".

Однако в известной мере личность и роль Штольца отразили определенные исторические тенденции в развитии русской действительности. Напомним следующее замечание Ленина по поводу развития капитализма в земледелии: "...новая организация хозяйства требует и от хозяина предприимчивости, знания людей и умения обращаться с ними, знания работы и ее меры, знакомства с технической и коммерческой стороной земледелия, - т. е. таких качеств, которых не было и быть не могло у Обломовых крепостной или кабальной деревни" {В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 182.}. Образы Адуева-дядюшки и Штольца свидетельствовали о росте буржуазно-капиталистических отношений в русской действительности незадолго до падения крепостного права. Но Гончаров не раскрыл ни в Петре Ивановиче Адуеве, ни в Штольце их эксплуататорскую роль по отношению к народу, что, конечно, обеднило

конкретно-историческое содержание и значение этих образов.

Следует отметить, что буржуазно-эксплуататорский характер деятельности Штольца был понят некоторыми современниками Гончарова. "В этой антипатичной натуре, - писал о Штольце критик А. П. Милюков, - под маской образования и гуманности, стремления к реформам и прогрессу скрывается все, что так противно русскому характеру и взгляду на жизнь... Из этих-то господ выходят те честные дельцы, которые, добиваясь выгодной карьеры, дают все, что ни попадается на пути... все учредители мнимо-благотельных предприятий, эксплуатирующие работников на фабрике, акционеры в компании, при громких возгласах о движении и прогрессе, все великодушные эмансипаторы крестьян без земли..." Гончаров не понимал, что развитие русской буржуазии совершалось, как правило, в условиях приспособления русских буржуазных предпринимателей к самодержавно-помещичьему строю. Самой буржуазии, выросшей на почве крепостного права, была присуща обломовщина, питавшаяся и после падения крепостного права многочисленными крепостническими пережитками. Гончаров был совершенно прав, указывая на неизбежность гибели обломовщины. Но он слишком рано пропел ей отходную: обломовщина продолжала мешать всему дальнейшему прогрессивному развитию русской общественной жизни.

Самого писателя далеко не все удовлетворяло в Штольце. Гончаров верно показал, что под трезвым пониманием жизни у Штольца, как и у его предшественника Адуева-старшего, скрывались сухой, деловой расчет, подчинение человеческих черт предпринимательскому практицизму. Гончаров и в Штольце критически отметил то, что составляло слабую сторону дядюшки Адуева, - буржуазную ограниченность. Это прекрасно показано в романе на отношениях Штольца и Ольги Ильинской.

Героиня романа "Обломов" - один из самых замечательных образов русской женщины в русской классической литературе. Как и Тургенев, Гончаров умел рисовать пленительные женские портреты и создал целую галерею образов женщин. По своему характеру и своим стремлениям Ольга близка к тургеневской Елене из "Накануне" и является старшей сестрой Веры из "Обрыва". В личности Ольги Писарев справедливо находил: "...естественность и присутствие сознания - что отличает Ольгу от обыкновенных женщин. Из этих двух качеств вытекает правдивость в словах и в поступках, отсутствие кокетства, стремление к развитию, умение любить просто и серьезно, без хитростей и уловок... Ольга растет вместе со своим чувством, каждая сцена, происходящая между нею и любимым ею человеком, прибавляет новую черту к ее характеру, с каждой сценой грациозный образ девушки делается знакомее читателю, обрисовывается ярче и сильнее выступает из общего фона картины".

В отличие от пушкинской Татьяны, от Лизаветы Александровны - и это знаменовало новый шаг в развитии русской женщины - Ольга не способна покорно подчиниться своей судьбе. Она мечтает спасти Обломова, заставить его "жить, действовать, благословлять жизнь...", спасти его нравственно погибающий ум и душу. Но когда она убеждается в тщетности своих усилий, видит, что любимый человек не соответствует высокому ее представлению об идеале человека, она порывает с ним.

Ольга живет богатой духовной жизнью, а главное, она полна стремления к деятельности. Она мечтала о герое, который соединил бы в себе высокий ум и страстное чувство с энергией, волей и большой целью в жизни. И в жизни со Штольцем Ольге далеко не все казалось прекрасным. "Мне грустно бывает иногда, - говорит она. - Все тянет меня куда-то еще, я делаюсь ничем недовольна".

Эти порывы, мечты, эта неудовлетворенность жизнью были непонятны и Штольцу. "Мы, - отвечал Ольге Штолец, - не титаны с тобой, мы не пойдем с Манфредами и Фаустами на дерзкую борьбу с мятежными вопросами, не примем их вызова, склоним голову и смиренно переживем трудную минуту, и опять потом улыбнется жизнь, счастье".

Такого рода тихое счастье не могло удовлетворить Ольгу. И ее сильный характер, и воля, и постоянно ощущавшаяся ею потребность в деятельности неминуемо должны были бы привести Ольгу к разрыву со Штольцем, если бы Гончаров продолжил рассказ о их жизни. Подчеркивая в Ольге стремление к борьбе во имя благородных, а не эгоистических целей жизни, Добролюбов, видевший в героине романа передовую русскую женщину, замечает: "Она оставит и Штольца, ежели перестанет верить в него. А это случится, ежели вопросы и сомнения не перестанут мучить ее, а он будет продолжать ей советы - принять их, как новую стихию жизни, и склонить голову. Обломовщина хорошо ей знакома, она сумеет различить ее во всех видах, под всеми масками, и всегда найдет в себе столько сил, чтобы произнести над нею суд беспощадный..."

Критика помещичье-крепостнической действительности осуществлена в романе не только в образе Обломова, но и в образах ряда других персонажей романа: преуспевающего чиновника-бюрократа Судьбинского, пустого светского фата Волкова, плута и вымогателя Тарантьева, мещанки Пшеницыной и др. Во всех этих типах Гончаров показал проявление все той же обломовщины, как страшного зла русской жизни.

Роман "Обломов" затрагивал такие существенные стороны и вопросы русской жизни крепостной эпохи, что вокруг романа сразу же возникла шумная полемика. Реакционный славянофильский лагерь в лице критика А. Григорьева и других ополчился против обличения Гончаровым обломовщины. Славянофилы пытались представить и самого Обломова и Пшеницыну как положительные начала русской жизни. По существу смыкаясь со славянофилами, либеральная критика, преклонявшаяся перед буржуазным Западом, увидела в обломовщине проявление "русской национальной болезни". Примиренчески относясь к обломовщине, заявляя словами А. В. Дружинина, что "обломовщина в слишком большом развитии вещь нестерпимая, но к свободному и умеренному ее развитию не за что относиться с враждою", либералы-западники клеветали на русский народ, его национальный характер.

Между тем сам Гончаров видел в обломовщине не общенациональное, а социальное явление, продукт определенных общественно-исторических условий, крепостного строя. Изобличение обломовщины было подлинно патриотической заслугой писателя.

Глубокий и верный анализ обломовщины Гончаров нашел в статье Добролюбова. "Взгляните, пожалуйста, статью Добролюбова об "Обломове", писал он П. В. Анненкову 20 мая 1859 года, - мне кажется, об обломовщине, т. е. о том, что она такое, уже сказать после этого ничего нельзя". Конечно, Гончаров имел в виду социальную и психологическую характеристику обломовщины, а не те революционно-демократические выводы, которые делал в своей статье Добролюбов.

Статья Добролюбова появилась в тот исторический момент, когда в России складывалась революционная ситуация, развивалось русское революционно-демократическое движение. Роман "Обломов" был использован Добролюбовым как острое оружие в обличении прогнившего крепостнического строя, в борьбе за интересы народа. Великий критик, указав на "необыкновенное богатство содержания романа", глубоко раскрыл его социально-политический смысл, увидев в обломовщине порождение крепостнического строя, и расценил роман как протест против крепостничества. В романе, писал Добролюбов, "сказалось новое слово нашего общественного развития, произнесенное ясно и твердо, без отчаяния и без ребяческих надежд, но с полным сознанием истины. Слово это - обломовщина..."

В своей статье Добролюбов установил социально-психологическое родство Обломова с "лишними людьми". Черты обломовщины великий критик отмечает и в Онегине, и в Печорине, и в Рудине, и в Бельтове. Добролюбов раскрывает историческую связь между ними и Обломовым, поскольку все они являются выходцами из дворянской среды и воспитаны на

почве крепостного строя. Конечно, между "лишними людьми", отличавшимися даровитостью, высоким интеллектуальным уровнем, идейными исканиями и неудовлетворенностью жизнью в обстановке крепостного строя, с одной стороны, и Обломовым - с другой, была большая разница. Однако Добролюбов был прав, устанавливая, что такие черты в героях произведений Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Герцена, как праздность или "кипенье в действии пустом", неспособность к труду, нерешительность в критические моменты жизни, были не чем иным, как проявлением обломовщины.

Вместе с тем Добролюбов отметил, что обломовцы в общественной жизни являются злейшими врагами рождающегося нового. К обломовцам он, в частности, причислял либеральствующих фразеров, идущих на поводу у правящих кругов. В иносказательной форме Добролюбов указывал, какая опасность таится в подобного рода обломовцах для народного дела, выражал уверенность, что народ сметет с пути этих бездействующих болтунов в тот момент, когда осознает "необходимость настоящего дела", то есть революции. В тот момент, когда появился роман Гончарова, передовая молодежь уже нашла своих руководителей в лице Чернышевского и Добролюбова, звавших к революционной борьбе против обломовщины, феодально-крепостнического порядка, ее взрастившего, против "темного царства".

Самому Гончарову революционно-демократические идеи были чужды, но своим романом он содействовал борьбе с обломовщиной, как страшным социальным злом, сковывавшим творческую жизнь народа, препятствовавшим его общественному, духовному и нравственному развитию.

В. И. Ленин не раз обращался к образу Обломова, к понятию обломовщины для разоблачения пережитков прошлого - всего гнилого, барского, бюрократического, для борьбы с элементами, враждебными народу, делу пролетарской революции. Ленин обличал "...гнилые, барски-обломовские иллюзии" либеральных народников, надеявшихся на реформы и боявшихся революции. В своей работе "Шаг вперед - два шага назад" В. И. Ленин заклеил обломовщиной вредные попытки меньшевиков ослабить партийную дисциплину. "Людам, привыкшим к свободному халату и туфлям семейно-кружковой обломовщины, - указывал Ленин, - формальный устав кажется и узким, и тесным, и обременительным, и низменным, и бюрократическим, и крепостническим, и стеснительным для свободного "процесса" идейной борьбы" {В. И. Ленин, Сочинения, т. 7, стр. 362.}. После революции Ленин рассматривал проявление обломовщины как вредный пережиток буржуазно-помещичьей психологии. Ленин указывал, что обломовщина не изжита до конца, и призывал к беспощадной борьбе с такими ее проявлениями, как боязнь всего нового и передового, нерадивое отношение к труду, к своим обязанностям, расхлябанность и беспечность. "...старый Обломов остался, - говорил В. И. Ленин в 1922 году, - и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел" {Там же, т. 33, стр. 197.}.

В развитии социалистической жизни, в активности трудящихся Ленин видел условия полного уничтожения обломовщины. В своей речи "О международном и внутреннем положении советской республики" 6 марта 1922 года Ленин, со всей энергией призывая к борьбе с бюрократизмом, говорил: "От этого врага мы должны очиститься, и через всех, сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся. Против этого врага и против этой бестолковщины и обломовщины вся беспартийная рабоче-крестьянская масса пойдет поголовно за передовым отрядом коммунистической партии. На этот счет никаких колебаний быть не может" {Там же, стр. 199.}. Обломовщина живуча, выражаясь в боязни всего нового, в привычках и предрассудках, унаследованных от старого общества и являющихся опасным врагом социализма. Пролетарская революция нанесла смертельный удар обломовщине. Товарищ Сталин указывал в 1924 году: "Русский революционный размах является противоядием против косности, рутины, консерватизма, застоя мысли, рабского отношения к дедовским традициям" {И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 186.}.

Враги народа злобно клеветали на русский народ как на нацию обломовых. Товарищ Сталин разоблачил эту клевету. В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом он указывал: "В Европе представляют себе людей в СССР по-старинке, думая, что в России живут люди, во-первых, покорные, во-вторых, ленивые. Это устарелое и в корне неправильное представление. Оно создано в Европе с тех времен, когда стали наезжать в Париж русские помещики, транжирили там награбленные деньги и бездельничали. Это были действительно безвольные и никчемные люди. Отсюда делались выводы о "русской лени". Но это ни в какой мере не может касаться русских рабочих и крестьян, которые добывали и добывают средства к жизни своим собственным трудом. Довольно странно считать покорными и ленивыми русских крестьян и рабочих, проделавших в короткий срок три революции, разгромивших царизм и буржуазию и победоносно строящих ныне социализм" {И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 110-111.}.

Обломовщина произрастает не только на почве крепостного общества. В новых формах она проявляется и в условиях буржуазно-капиталистического строя, которому также присущи паразитизм, эгоизм, цинично-индивидуалистическое отношение к жизни. Обломовщина, как типическое явление собственнического, эксплуататорского общества, представляет собою явление мирового значения. Еще при жизни Гончарова один из датских литераторов Гансен, ознакомившись с романами Гончарова, в письме к нему признался: "Не только в Адуеве и Райском, но даже в Обломове я нашел столько знакомого и старого, столько родного! Да, нечего скрывать, и в нашей милой Датш есть много обломовщины..." Боязнь за свои привычные доходы, смертельная вражда ко всему новому характеризует современных буржуазных обломовых. Ленин пользовался понятием обломовщины при характеристике буржуазии и указывал: "...никогда... без последней необходимости буржуазия не заменит спокойного, привычного, доходного (обломовски-доходного) 10-тичасового рабочего дня 8-ми часовым" {В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 268.}. Превосходные образы обломовых-рантье, обломовцев-буржуа запечатлены в произведениях Мопассана, в "Саже о Форсайтах" Голсуорси. В широком смысле борьба с обломовщиной есть борьба с собственническим строем, так же как и обломовщина исторически обреченным на гибель.

Роман "Обломов" сыграл большую роль в развитии критического реализма в русской литературе. Гончаров раскрывает обломовщину, как определенное явление действительности, вскрывая ее социально-исторические, морально-психологические истоки, рассматривая ее во всех чертах и особенностях, прослеживая ее жизненное развитие и перспективы. В романе проявилось мастерское умение писателя связать все детали и мелочи быта и переживаний в единую целостную картину огромного обобщающего значения.

"Огромная идея автора во всем величии своей простоты улеглась в соответствующую ей рамку, - справедливо замечает Писарев. - По этой идее построен весь план романа, построен так обдуманно, что в нем нет ни одной случайности, ни одного вводного лица, ни одной лишней подробности... В романе г. Гончарова внутренняя жизнь действующих лиц открыта пред глазами читателя; нет путаницы внешних событий, нет придуманных и рассчитанных эффектов, и потому анализ автора ни на минуту не теряет своей отчетливости и спокойной пронизательности. Идея не дробится в сплетении разнообразных происшествий: она стройно и просто развивается сама из себя, проводится до конца и до конца поддерживает собою весь интерес без помощи посторонних, побочных вводных обстоятельств... Редкий роман обнаруживал в своем авторе такую силу анализа..."

"Обломов" Гончарова был новым выдающимся достижением русского реалистического романа.

^TVI^U

Роман "Обломов" появился накануне падения крепостного права. С громадной силой давал себя чувствовать всеобщий и глубокий кризис феодально-крепостнического строя. Россия

встала на путь капиталистического развития, требовавшего уничтожения крепостничества. "Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства, - пишет об этом времени В. И. Ленин. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские "бунты", возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу" {В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 95.}. Накануне падения крепостного права крестьянские волнения из года в год возрастали.

Крестьянская реформа 1861 года была проведена руками помещиков-крепостников. Самодержавие и помещики ограбили крестьян, сохранив за собою большую и лучшую часть земли, а за оставленную у крестьян землю вынудив их платить втридорога. Вслед за крестьянской реформой последовал ряд реформ в области суда, управления, печати и т. д., знаменовавших собою первые шаги самодержавия на пути к буржуазной монархии.

Вокруг вопросов, связанных с ликвидацией крепостного права, в русском обществе конца 50-х - начала 60-х годов развернулась ожесточенная идейная борьба, отразившая борьбу классов в России за пути ее дальнейшего исторического развития. Произошло резкое размежевание политических лагерей в русском обществе. В сторону сближения с самодержавием повернули дворянско-буржуазные либералы, на все лады прославлявшие "великие реформы", несмотря на их полукрепостнический характер, и больше всего боявшиеся крестьянской революции, крестьянского топора, от которого они искали защиты у самодержавия. Пошедшие на сделку с царизмом либералы вроде Кавелина поддерживали и одобряли расправу царского правительства с передовыми демократическими деятелями 60-х годов и освободительным движением в стране.

В защиту ограбленного царем и помещиками народа выступила революционно-демократическая интеллигенция во главе с Чернышевским и Добролюбовым. Вожди революционно-демократического движения стремились поднять крестьянское восстание, призывали крестьянство и передовую молодежь к революционной борьбе с самодержавием и помещичьим государством во имя социалистического преобразования России.

Характеризуя политическую обстановку конца 50-х - начала 60-х годов, В. И. Ленин пишет:

"Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России "Колокола", могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых "очень часто" приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять "Положение", обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян мировых посредников применять такое "Положение", студенческие беспорядки при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание - опасностью весьма серьезной" {В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 26-27.}.

Однако революционная ситуация не переросла в революцию: "...народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу" {Там же, т. 17, стр. 65.}. Крестьянские и студенческие волнения были подавлены.

С ареста Чернышевского в 1862 году началась беспощадная расправа царского правительства с демократическим движением, приобретающим, однако, все большее влияние на молодое поколение.

Классовая борьба в стране нашла свое отражение в русской литературе 60-х годов. Все передовое в русском обществе объединилось вокруг революционно-демократического "Современника". Журнал привлек к себе новые писательские силы, отразившие бурный рост демократических идей и настроений в среде молодежи - Н. Успенского, Помяловского, Решетникова и др. В то же время либерально настроенные писатели - Тургенев, Григорович и др. - порвали с "Современником". Эти писатели стали на путь прославления "великих реформ". По характеристике Ленина, Тургенева в конце 50-х годов "тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции", ему "претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского" {В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 244.}. Некоторые писатели - Лесков, Достоевский - оказались в 60-е годы в лагере реакции.

Обострение классовой борьбы и идейно-политическое размежевание русского общества и литературы не могло не отразиться и на деятельности Гончарова в эти годы. Как и другие литераторы дворянско-буржуазного либерального лагеря, Гончаров страшился крестьянской революции и заявлял: "Россия переживает теперь великую эпоху реформ". Он не сочувствовал деятельности герценовского "Колокола". К революционно-демократическому движению, к идеям социализма Гончаров отнесся отрицательно, считая их беспочвенными, "крайними". Дальнейшее развитие России писатель представлял себе в буржуазно-реформистском духе.

Еще в 1856 году, по возвращении из путешествия, Гончаров, вынужденный поступить на службу, становится цензором. В эту пору, еще до отмены крепостного права, Гончаров как цензор нередко проявлял сочувственное отношение к прогрессивным явлениям литературы. Так он способствовал новому изданию запрещенных в течение нескольких лет "Записок охотника" Тургенева, сборника стихотворений Некрасова, разрешил к печати роман Писемского "Тысяча душ". Благодарный Писемский писал Гончарову: "...Вы были для меня спаситель и хранитель цензурный: вы пропустили 4-ю часть "Тысячи душ" и получили за то выговор. Вы "Горькой судьбине" дали увидеть свет божий в том виде, в каком она написана. Все это я буду до конца моих дней помнить".

Однако в 60-е годы цензорская деятельность Гончарова принимает реакционный характер. В 1862 году он назначается редактором официальной газеты "Северная почта", а потом членом Совета по делам печати. В этой должности Гончаров давал заключения о политическом направлении органов печати, отдельных произведений, журнальных статей и т. д. Царская цензура жестоко преследовала демократическую журналистику и печать. В деятельности Гончарова резко проявились антидемократические тенденции. Они сказались в его отрицательной оценке романа "Что делать?" Чернышевского, в преследовании им журнала "Русское слово" Писарева и статей критика-демократа, в которых Гончаров усматривал отрицание религии, "жалкие и несостоятельные доктрины социализма и коммунизма".

В 1867 году Гончаров уходит в отставку, осознав, невидимому, что цензорская деятельность не к лицу русскому писателю.

^TVII^U

В 1869 году в либеральном журнале "Вестник Европы" появился третий и последний роман писателя - "Обрыв". Гончаров работал над ним двадцать лет. Замысел "Обрыва" возник почти одновременно с замыслом "Обломова". Рассказывая о своем посещении Симбирска в 1849 году, Гончаров пишет: "Тут толпой хлынули ко мне старые, знакомые лица, я увидел еще не отживший патриархальный быт, и вместе новые побег, смесь молодого со старым. Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздух, воспоминания детства - все это залегло мне в голову".

При первоначальном замысле в романе должна была быть широко разработана тема "лишнего человека", традиционная для литературы дворянского периода русского

освободительного движения. В то же время уже тогда Гончаров почувствовал появление в русской действительности людей нового склада и новых стремлений. "В первоначальном плане романа, - указывал писатель, - на месте Волохова у меня предполагалась другая личность - также сильная, почти дерзкая волей, не ужившаяся, по своим новым и либеральным идеям, в службе и в петербургском обществе, и посланная на жительство в провинцию, но более сдержанная и воспитанная, нежели Волохов. Вера также, вопреки воле бабушки и целого общества, увлеклась страстью к нему и потом, вышедши за него замуж, уехала с ним в Сибирь, куда послали его на житье за его политические убеждения".

Сложившееся в 60-е годы враждебное отношение Гончарова к революционно-демократической интеллигенции изменило этот первоначальный замысел романа в сторону обличения "нигилизма". "Тогда под пером моим прежний, частью забытый, герой преобразился в современное лицо..." свидетельствует сам Гончаров в статье "Намерения, задачи и идеи романа "Обрыва", опубликованной лишь после смерти писателя.

В первой части романа, рисуя столичную светскую среду, Гончаров подвергает острой критике бездушный и холодный аристократизм, ханжество и высокомерие высших дворянско-бюрократических кругов, представленных в романе в образах старого светского жуира Пахотина, эпикурейца-бюрократа Аянова, "великолепной куклы" Беловодовой и др. Гончаров считал, что "большой свет" давно порвал с русскими нравами, русским языком, пропитан эгоизмом и космополитическими настроениями. Жизнь высшего светского общества рассматривается Гончаровым в связи с ненавистной ему обломовщиной. Так Аянов - тот же обломовец, для которого цель жизни - чин тайного советника, спокойная служба с высоким окладом в каком-нибудь ненужном комитете, "а там, волнуйся себе человеческий океан, меняйся век, лети в пучину судьба народов, царства - все пролетит мимо его..." В образе Беловодовой, по словам писателя, представлена "стена великосветской замкнутости, замурававшейся в фамильных преданиях рода, в приличиях тона, словом в аристократическо-обломовской неподвижности".

Первоначально роман Гончарова назывался "Художник". По признанию самого писателя, главное его внимание было уделено образам Райского, бабушки, Веры. В Райском сам Гончаров видел "сына Обломова", но действующего в другую, переходную эпоху. Именно в этом смысле устанавливал писатель внутреннюю связь между романами "Обрыв" и "Обломов".

Райский - "натура артистическая". Подобно Рудину, "он умом и совестью принял новые животворные семена, - но остатки еще не вымершей обломовщины мешают ему обратить усвоенные понятия в дело..." Райский мечтает о великом искусстве, но "труд упорный ему был тошен". Гончаров прямо связывает последнее обстоятельство с "праздной жизнью почти целого общества", с "обеспеченным существованием" дворянской интеллигенции.

В глубокой мысли писателя о том, что в бесплодии и дилетантизме Райского виновата обломовщина, которая "как гири на ногах тянет назад", нельзя не усмотреть влияния добролюбовской критики лишних людей с их барски-маниловским отношением к труду, к искусству.

Райский оказался в искусстве и науке одним из тех неудачников, которые "верили в талант без труда и хотели отделяться от последнего, увлекаясь только успехами и наслаждениями искусства".

Но "серьезное искусство, как и всякое серьезное дело, требует всей жизни", - замечает Гончаров, воспитавшийся на критических заветах Белинского.

Гончаров сам указывал на исторически типическое значение Райского, как представителя дворянско-либеральной интеллигенции 40-х годов. "Я ставил неоднократно в кожу Райского своих приятелей из кружков 40-50 и 60-х гг., пишет Гончаров. - Как многие подходили к этому

типу". Эстетство, понимание искусства, присущие Райскому, характерны для таких литераторов дворянско-либерального лагеря, как Боткин, Анненков, Дружинин, которых превосходно знал Гончаров.

По своим общественным взглядам Райский противник крепостного права, либерал. Он не прочь бросить "в горячем споре бомбу в лагерь неуступчивой старины, в деспотизм своеволия, жадность плантаторов", как тогда называли помещиков-крепостников. Ему как будто претит владение крепостными крестьянами; он просит бабушку, наблюдающую за его имением, отпустить крестьян на волю, но ему лень, недосуг провести в жизнь свои либеральные взгляды, и, как Обломов, он привык пользоваться подневольным, даровым трудом. "Новые идеи кипят в нем, - пишет Гончаров, - он предчувствует грядущие реформы, сознает правду нового и порывается ратовать за все те большие и малые свободы, приближение которых чуялось в воздухе. Но только порывается... он, если не спит по-обломовски, то едва лишь проснулся и пока знает, что делать, но не делает".

Гончаров сочувствует Райскому, его неудачам и исканиям, писателю нравится его живой ум, впечатлительность, подвижность, страстное отношение к жизни, восхищение красотой. Однако вечные колебания и сомнения Райского, его пустое красноречие, его страсти, вспыхивающие и гаснущие, подобно фейерверку, - все это вызывает ироническую улыбку Гончарова, критически относившегося к своему герою.

Образ Райского оттеняют такие второстепенные, но глубокие по замыслу персонажи романа, как художник Кириллов и учитель Козлов. Это труженики искусства и науки. Гончарова, однако, не удовлетворял тип Кириллова художника-аскета, ушедшего от жизни и превратившего искусство в своего рода божество; подобная "крайность" не может служить примером, как бы говорит этим образом писатель.

В трагическом плане изображен Гончаровым неудачник Козлов. В статье "Лучше поздно, чем никогда", поясняя смысл "Обрыва" и отдельных его образов, Гончаров пишет:

"В учителе Козлове мелькнуло мне лицо русского ученого-труженика, с намеком на участь русской науки в обломовском обществе". Гончаров стремился подчеркнуть, что Козлов жил в среде, совершенно равнодушной к науке. "В нем теплится искра любви к знанию, но как в степи - нет ей пищи, ни посева, ни полива, некуда бросить семян - и они гложут в нем самом..."

Во многом иронически относясь к идеалистам 40-х годов, Гончаров проявил враждебное отношение в своем романе и к новым людям, к демократической молодежи 60-х годов. Облик этой молодежи представлялся ему в лице Марка Волохова. Создавая этот образ, писатель имел в виду молодежь, увлекавшуюся идеями демократического движения. Политический смысл образа Марка Волохова сам Гончаров поясняет так: "Волохов не социалист, не доктринер, не демократ. Он радикал и кандидат в демагоги: он с почвы праздной теории безусловного отрицания готов перейти к действию - и перешел бы, если бы у нас... была возможна широкая пропаганда коммунизма, интернациональная подземная работа и т. п.". Однако в романе не раскрыты политические связи Волохова, не сформулирована сколько-нибудь полно и определенно его политическая программа, и вся его пропагандистская деятельность рисуется в ироническом плане: единственным человеком, распропагандированным Волоховым, оказывается четырнадцатилетний мальчуган. Гончаров хотел подчеркнуть этим никчемность и беспочвенность Волоховых и их "крайних воззрений".

Более обстоятельно охарактеризованы моральные принципы и нравственные черты Марка Волохова. В изображении писателя Волохов крайний нигилист, человек безнравственный, себялюбивый, он проповедует теорию "свободной любви" и т. п. Люди типа Волохова встречались в русской действительности 60-х годов, но они представляли собою не типичное явление, как стремился изобразить Гончаров, и никак не характеризовали собой облик

передовой молодежи того времени.

Писатель отмечает в Волохове характер, настойчивость, искренность. Но в изображении Гончарова все способности и намерения Волохова направлены на разрушение жизни, ее моральных устоев. Понятно, что демократический лагерь увидел в образе Волохова клевету на передовую молодежь, извращение идей Чернышевского и Добролюбова, под знаменем которых она шла. Демократическая критика в лице Н. В. Шелгунова и М. Е.

Салтыкова-Щедрина резко отозвалась о романе за образ Марка Волохова, причислила "Обрыв" к антиинициативным романам 60-х годов. Действительно, фигура Волохова была использована реакционной печатью в борьбе против демократического движения.

Таким образом, в романе "Обрыв" Гончаров, с одной стороны, подверг критике либерально-дворянскую интеллигенцию 40-х годов, справедливо обнаружив в ней черты обломовщины, а с другой, не принял новой правды демократической молодежи 60-х годов. Свой общественный и моральный идеал Гончаров увидел в тех, кто идет "уже открытым путем разумного развития и упорядочения новых форм русской жизни". В этих словах Гончарова содержалась явная полемика с революционной демократией, с Чернышевским и Добролюбовым, призывавшим не к буржуазно-либеральным реформам, а к революционной борьбе с самодержавием и помещиками, к крестьянской революции.

Выразителем гончаровской идеи "разумного развития" русской жизни, русского общества является в романе Тушин. Тушин напоминает Костанжогло из второй части "Мертвых душ". Это образованный предприниматель, действующий в провинциальной глуши. Отступая от жизненной правды, Гончаров идеализирует Тушина в еще большей степени, чем Штольца. В противоположность вечным колебаниям и сомнениям Райского, цинизму Марка Волохова Гончаров подчеркивает жизненную устойчивость и уверенность Тушина, которому присущи "мысли верные, сердце твердое - и есть характер". Именно Тушину приписывает Гончаров трезвое и правильное понимание жизни, видя в нем "представителя настоящей новой силы и нового дела" в пореформенной России.

Революционно-демократической пропаганде Гончаров хотел противопоставить в романе определенную общественную программу, предусматривающую решение и экономических вопросов, остро стоявших в русской пореформенной действительности. В этих целях Тушин рисуется Гончаровым "заволжским Робертом Овеном", который якобы вел свое предпринимательское дело таким образом, что и доход шел, и работники были довольны. Гончаров явно неправдоподобно рисует отношения предпринимателя и работников: артель, которая работает у Тушина, "смотрела какой-то дружиной. Мужики ходили сами на хозяев, как будто занимались своим хозяйством". Гончаров считал "основой жизни - необходимость труда", высокой цели для людей, которые "всецело посвящают себя общественному служению". В романе общественное служение оказалось предпринимательско-помещичьей деятельностью, что, конечно, никак не могло привлечь симпатий передовой части общества. Вот почему читатель того времени остался глубоко неудовлетворенным намеком на то, что Вера после "обрыва" должна была соединить свою судьбу с жизнью Тушина - благоразумного и благополучного помещика, посредственного и ограниченного человека.

Своим романом Гончаров явно боролся за молодое поколение, пытаясь по-своему ответить на вопрос "что делать?", поставленный Чернышевским. Роман "Обрыв", по замыслу Гончарова, должен был выразить идею пробуждения и показать перспективы развития России. В "Обрыве" показано, что "старая правда" бабушки, олицетворяющая, по словам писателя, "консервативную Русь", потерпела крушение.

Образу бабушки Гончаров придавал большое значение. Защитница старых патриархальных обычаев, родовитая дворянка и властная помещица, управлявшая имением "деспотически и на феодальных началах", бабушка, однако, очень далека от того типа жестокой и тупой помещицы-крепостницы, который был обрисован в ряде произведений русской литературы

40-70-х годов. Нравственные и психологические черты бабушки во многом противоречат ее социальному облику. Деспотичность совмещалась в ней с мягким, любящим сердцем; она полна заботы о других и всегда готова сделать добро людям. Она без колебаний выгоняет крупного и влиятельного губернского чиновника именно за его высокомерие и грубо-крепостнические замашки. Бабушка во всем руководствуется разумным началом и тем огромным житейским опытом, которым она обладала. Несомненно, что образ бабушки, в которой Гончарову "рисовался идеал женщины вообще, сложившийся при известных условиях русской жизни", несколько идеализирован. Но в нем много и жизненной правды; Татьяна Марковна Бережкова напоминает Марфу Тимофеевну из "Дворянского гнезда" Тургенева, Марью Дмитриевну Абросимову в романе "Война и мир" Толстого.

В своей молодости бабушка пережила драму, подобную драме Веры. Стоически твердо перенесла ее, она осталась верна старым патриархальным принципам жизни, глубоко веря в их незыблемость и строя на них счастье дорогих ей людей. Но сложившаяся в крепостнических условиях житейская мудрость бабушки, ее деспотические принципы терпят крушение в столкновении с мыслящей, критически настроенной, свободолюбивой Верой. Отсюда трагические переживания бабушки, понявшей, что старые устои рушатся, что ее правда давно стала ложью и что жизнь опередила ее.

Но, по мысли Гончарова, "обрыв" означал также поражение и демократических позиций. Гончаров пытается утвердить в романе какие-то вечные и незыблемые нравственные нормы и правила и с этой позиции воюет против революционно-демократических идей 60-х годов, которые, по мнению писателя, ведут к ошибкам в жизни. Эта мысль воплощена в романе в истории драмы Веры.

Как и образ Ольги Ильинской, образ Веры в "Обрыве" принадлежит к самым замечательным художественным достижениям Гончарова. Вера - чудесная русская девушка, обладающая страстным сердцем, волей и упорством, проницательным умом и глубоким нравственным чувством. Веру не удовлетворяет "старая правда" бабушки, ветхозаветная, патриархальная, полуобломовская жизнь, которая беспечно и бездумно принята ее сестрой, веселой и счастливой Марфинькой, "простой, как сама природа". Вера - человек, ищущий новой дороги в жизни, стремящийся познать ее тайны. Она много и упорно читает и Вольтера, и "Фейербаха с братией", и Прудона, то есть ту социально-политическую литературу, которая пользовалась популярностью у молодежи 60-х годов. Она верит только тому, в чем убеждается сама, ее мысль независима, ее отталкивают любые деспотические попытки навязать ей чужую волю. Райский потерпел комическое фиаско, пытаясь руководить своей кухней, ее умом и сердцем. Бессильна над нею власть и любимой бабушки. Вера усвоила мысль о свободной и самостоятельной жизни. В этом отношении Гончаров в ее образе запечатлел новый тип русской девушки, выросшей в переломную эпоху.

В своей среде Вера одинока. Встретившись с Волоховым, она столкнулась с явлением, ей незнакомым, с человеком, тронувшим ее сердце неудачами своей жизни, своей смелостью, стремлением к новому, лучшему. Но крайний нигилизм Марка Волохова, его теория "любви на срок" отталкивают Веру. Она считает, что женщина "создана для семьи прежде всего", и верит в счастье с любимым на всю жизнь. Гончаров хочет показать, что страстное чувство Веры не могло примириться с безнравственными, как это подчеркивает писатель, принципами "разбойника Маркушки".

Любовь Веры терпит крушение, оставляя тяжелый след в ее душе. Либеральная критика причитала по поводу того, что Вера "пала". Гончаров решительно протестовал против подобного ханжества, не видя в "падении" Веры ничего, что могло бы бросить тень на ее высокую и безупречную нравственность, рассматривая "обрыв" как отражение драмы самой жизни. В статье "Лучше поздно, чем никогда" Гончаров раскрывает общественный смысл драмы Веры: "Пала не Вера, не личность, пала русская девушка, русская женщина - жертвой в борьбе старой жизни с новой: она не хотела жить слепо, по указке старших. Она сама

знала, что отжило в старой, и давно тосковала, искала свежей, осмысленной жизни, хотела сознательно найти и принять новую правду, удержав и все прочное, коренное, лучшее в старой жизни. Она хотела не разрушения, а обновления, но она не знала, где и как искать". Не сумел помочь ей в этом и сам Гончаров...

Непонимание революционно-демократического движения, ошибочные идейные позиции писателя в 60-е годы нанесли большой ущерб последнему крупному художественному творению Гончарова.

В последней части романа образ Веры, тоскующей и вместе с тем "выздоровливающей" от своего "безумия", тянущейся к Тушину, становится тенденциозным, утрачивает свои реалистические черты. Подчиняясь своим консервативным настроениям, Гончаров отступает от жизненной правды.

Однако во многом роман "Обрыв" до сих пор сохраняет большую познавательную и художественную ценность. В нем правдиво запечатлены картины жизни русской дореформенной провинции. Главный интерес "Обрыва" не в теме Волохова. Это произведение исполнено серьезной критики дореформенного барского быта, бесплодного либерализма, теории "искусства для искусства".

В молодом поколении, изображенном в романе, центральным является не образ Марка Волохова, а образ Веры, воплотивший гуманные стремления, нравственную чистоту и силу передовой русской молодежи.

"Этот роман - была моя жизнь, - писал Гончаров об "Обрыве". - Я вложил в него часть самого себя, близких мне лиц, родину, Волгу, родные места, всю, можно сказать, свою и близкую мне жизнь. Пересказывая этот роман Тургеневу, я заметил, что, кончив "Обломова" и этот роман... я кончу все, что мне на роду написано, и больше ничего писать не буду".

^TVIII^U

В последние два десятилетия жизни Гончаровым нередко овладевали тяжелые душевные настроения. Он вел все более замкнутый образ жизни в Петербурге в небольшой квартире на Моховой. Среди его немногих знакомых были А. В. Никитенко, поэт А. Н. Майков, известный судебный деятель А. Ф. Кони, М. М. Стасюлевич, редактор "Вестника Европы".

После "Обрыва" Гончаров почти не возвращался к художественному творчеству. Как свидетельствует сам писатель, это в значительной степени объяснялось тем, что многое в русской жизни 70-80-х годов ему было неясным. Из немногочисленных и небольших художественных произведений Гончарова. этих лет следует отметить очерк "Слуги старого века" и рассказ "Литературный, вечер". В первом Гончаров обращается к прошлому, художественно варьируя образы Евсея из "Обыкновенной, истории", Захара из "Об-ломова", "Слуги старого века" - зарисовки старинного домашнего быта, связанные с воспоминаниями писателя. Демократическая критика справедливо отметила, что очерки проникнуты тенденцией к идеализации тех патриархальных отношений в старой помещичьей провинции, которые писатель в свое время обличал в "Обломове". В "Литературном вечере" Гончаров, иронически освещая реакционные эстетические позиции и вкусы участников одного из великосветских литературных салонов столицы в 70-е годы, вместе с тем, рисуя "нигилиста" Крякова, резко и необоснованно нападает на демократическую эстетику и критику.

Особый цикл произведений Гончарова, написанных им в последний период жизни, составили воспоминания писателя, посвященные детским ("На родине") и юношеским ("В университете") годам. Консервативные настроения, владевшие Гончаровым в конце его жизни, отразились в этих воспоминаниях идеализацией далекой старины.

Однако в 70-е годы, в период нового общественного подъема в России, Гончаров, обращаясь

к прошлому, видел в нем и то, что составляло славу и гордость национальной культуры и сыграло плодотворную роль в духовном развитии и литературной деятельности самого писателя.

Как бы в противовес враждебному выпадку Достоевского против Белинского на страницах реакционного "Гражданина" в 1873 году, Гончаров в 1874 году пишет свои "Заметки о личности Белинского". До конца своей жизни Гончаров с глубоким уважением относился к Белинскому. Его заметки с большой теплотой и сочувствием рисуют облик великого критика, человека исключительной скромности, прямоты, честности и принципиальности во взглядах. Гончарова всегда поражали в Белинском необыкновенная страстность и самоотверженность в творческом труде, в отстаивании своих взглядов "в борьбе со всем враждебным". "Без непрерывной работы, без этого кипения и брожения вопросов и мнений, вне литературной лихорадки - я не умею представить себе его", замечает Гончаров.

В оценке общественного значения и идейного содержания деятельности Белинского Гончаров допускает ошибки, обусловленные взглядами самого писателя в эти годы. Гончаров наделяет Белинского чуждыми ему реформистскими настроениями, ставя его и Герцена в один ряд с либералом Грановским, объясняет преждевременную смерть великого революционного демократа особенностями его страстной, "горевшей" натуры, забывая о страшной атмосфере николаевского режима, убившей Белинского. Но Гончаров правильно видит в Белинском неустанного борца за новое, вся сила ударов которого "была направлена не на то, чтобы отстоять прошлое и существующее, а чтобы завоевать новое, не охранить, а разрушить, чтобы добыть какую-нибудь новую или расширить уже существующую свободу". Гончаров отмечает у Белинского постоянное его влечение к идеалам свободы, правды, добра, человечности и видит в нем не только критика, литератора, а трибуна. "С какой умственной и нравственной тьмой надо было бороться, в каком застое покоилась масса, перед которой он проповедывал, - пишет Гончаров о значении Белинского как публициста. - Крепостное право лежало не на одних крестьянах - и ему приходилось еще оспаривать право начальников - распоряжаться по своему произволу участью своих подчиненных, родителей - считать детей своей вещественной собственностью и т. д. - и тут же рядом объяснять тонкости и прелесть пушкинской и лермонтовской поэзии". В этом сочетании острой литературной критики с борьбой против крепостнической морали и нравов Гончаров справедливо видел одну из главных особенностей деятельности Белинского. Бесспорной заслугой Гончарова является то, что он в своих заметках жестоко высмеял и обличил, как вздорное и клеветническое, утверждение о якобы "необразованности" Белинского.

Заметки Гончарова являются драгоценным документом для ознакомления с личностью Белинского.

В 70-е годы Гончаров пробует свои силы как критик, обнаружив незаурядное дарование в этой области. Он подготавливает статью об А. Н. Островском, творчество которого высоко ценил за глубокий реализм, пишет критический очерк о "Гамлете" Шекспира.

Классическим произведением русской литературной критики является статья Гончарова "Мильон терзаний" о "Горе от ума", опубликованная в 1872 году.

В статье дан глубокий анализ драмы Чацкого. В образе Чацкого Гончаров видел новатора, смелого протестанта против старого, косного, эгоистического мира Фамусовых и Скалозубов, выразителя передовых идей, упоминая, правда, очень глухо, в этой связи о декабристах. С большой тонкостью и проницательностью Гончаров прослеживает и объясняет переживания Чацкого. Статья Гончарова явилась значительной вехой в толковании бессмертной комедии Грибоедова.

В 1879 году Гончаров написал статью "Лучше поздно, чем никогда", в которой попытался защитить от нападок свой роман "Обрыв", объяснить его замысел и идеи. Статья имеет

большое значение для понимания романа и его связей с первыми двумя романами писателя, для выяснения общественных позиций Гончарова в 60-е годы, для характеристики особенностей его творческой работы. В этой статье Гончаров высказывает ряд важных и верных положений по вопросу о реализме в искусстве, выступает против натуралистических тенденций, проявившихся в французской литературе второй половины XIX века.

В творчестве и в своих эстетических суждениях Гончаров был писателем-реалистом. "Реализм, - заявлял он, - есть одна из капитальных основ искусства". Великие писатели "стремились к правде, находили ее в природе, в жизни и вносили в свои произведения". Как и Белинский, Гончаров был решительным противником реакционно-романтического толкования искусства. Тезис "искусство для искусства" был для Гончарова "бессмысленной фразой". Задачи искусства и литературы он видел в служении жизни, в воспитании общества. "...В наше время, - писал Гончаров, - когда человеческое общество выходит из детства и заметно зреет, когда наука, ремесла, промышленность делают серьезные шаги, искусство отставать от них не может. Оно имеет тоже серьезную задачу - это довершать воспитание и совершенствовать человека. Оно так же, как наука, учит чему-нибудь, остерегает, убеждает, изображает истину..."

В полном соответствии с одной из главных идей Белинского Гончаров указывал, что "художник - тот же мыслитель, но он мыслит не посредственно, а образами. Верная сцена или удачный портрет действуют сильнее всякой морали, изложенной в сентенции". Вслед за Белинским Гончаров выступал в своих критических статьях и заметках против всякой идеализации жизни в искусстве и литературе. По его мнению, искусство должно стремиться "осветить все глубины жизни, объяснить ее скрытые основы..." Гончаров отвергал натуралистическое копирование действительности. Он писал Достоевскому: "Значение творчества именно тем и выражается, что ему приходится выделять из природы те или другие черты и признаки, чтобы создавать правдоподобие, т. е. добиваться своей художественной истины".

Одним из главных признаков реализма было для Гончарова типическое изображение жизни, отображение в литературе существенных сторон действительности. "Если образы типичны, - писал он в статье "Лучше поздно, чем никогда", - они непременно отражают на себе - крупнее или мельче - и эпоху, в которой живут, оттого они и типичны. То есть на них отразятся, как в зеркале, и явления общественной жизни, и нравы, и быт". Гончаров всегда указывал, что невозможна художественная правда без глубокого понимания действительности. На упреки в том, что в своих произведениях, рисуя жизнь различных слоев русского общества, он никогда не изображает крестьян, Гончаров отвечал: "Я не знаю быта, нравов крестьян, не знаю сельской жизни, сельского хозяйства, подробностей и условий крестьянского существования... Описывать или изображать крестьян было бы с моей стороны претензией, которая сразу обнаружила бы мою несостоятельность". Общественная роль искусства Гончаровым всегда связывалась с тем, насколько оно показывает правду действительности. "Имея за себя "правду", истинный художник всегда служит целям жизни более близко или отдаленно".

Наряду с этими правильными взглядами Гончарова на важные проблемы искусства и литературы его эстетике присущи серьезные ошибки и недостатки, во многом связанные с его умеренно-либеральными общественными позициями в 60-70-е годы. Гончаров выступал против тенденциозности в искусстве. Он придавал слишком большое значение элементам бессознательности, стихийности в художественном творчестве. Он не раз указывал на то, что и свои образы создавал якобы "не ведая, что творил". Неправильно утверждение Гончарова и о том, что писатель может изображать только устоявшуюся, отложившуюся, так сказать, жизнь, что новые явления действительности плохо поддаются реалистическому изображению их в искусстве, что писателю следует отображать уже совершившееся и завершенное, а не современность, не злобу дня. "Искусство, серьезное и строгое, не может изображать хаоса, разложения", жизнь, "кишащую заботами нынешнего дня", - писал он. Справедливо выступая

против натуралистических тенденций в литературе, Гончаров неправомерно упрекал в натурализме демократических писателей 60-70-х годов, обвинял их в отступлении от "вечных прав и законов искусства". Несомненно, во всех этих положениях Гончарова отразилось враждебное отношение писателя к революционно-демократической программе преобразования России, боязнь сближения искусства и революции. Но сквозь эти ошибочные положения в суждениях Гончарова всегда пробивалась центральная идея его эстетики - идея реализма, правдивого изображения жизни. Этой идее он стремился следовать и в своей творческой практике.

Замечательным критиком Гончаров выступает и в своей разносторонней по содержанию переписке. Он переписывался со многими деятелями русской литературы - И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, Ф. М. Достоевским, А. Ф. Писемским, Я. П. Полонским и другими. Письма Гончарова - ценнейший материал, заключающий в себе высказывания писателя о своих произведениях, его эстетические размышления, тонкие и верные суждения о произведениях современной ему русской и мировой литературы.

Большой интерес представляет письмо Гончарова к С. А. Толстой от 11 ноября 1870 года, в котором писатель подвергает резкой критике пренебрежительное отношение русского барства и дворянской интеллигенции к родному языку. Сам Гончаров видит в нем "...знамя, около которого тесно толпятся все народные силы". Высказывая мысль, что в далеком будущем человечество придет к единому языку, Гончаров пишет, что "все народы должны притти к этому общему идеалу человеческого конечного здания - через национальность, т. е. каждый народ должен положить в его закладку свои умственные и нравственные силы, свой капитал".

Следует указать здесь и на язвительные замечания Гончарова в адрес дворянских либералов-космополитов. "Космополиты говорят или думают так: "Мы не признаем узких начал национальности, патриотизма, мы признаем человечество и работаем во имя блага, а не той или другой нации!" - пишет Гончаров в автобиографическом очерке "Необыкновенная история" и замечает: "Если бы все народы и слились когда-нибудь в общую массу человечества, с уничтожением наций, языков, правлений и т. д., так это, конечно, после того, когда каждый из них сделает весь свой вклад в общую массу человечества: вклад своих совокупных национальных сил - ума, творчества, духа и воли!.. Чем глубже этот след, тем более народ исполнил свой долг перед человечеством! Поэтому всякий отщепенец от своего народа и своей почвы, своего дела у себя, от своей земли и сограждан - есть преступник".

Критические статьи и письма Гончарова сосредоточены вокруг основной проблемы русской литературы 40-70-х годов прошлого столетия - проблемы реализма, как художественного метода, как основного пути развития искусства. Отстаивая принципы реализма, "внесение жизни в искусство", Гончаров, несмотря на ряд ошибочных суждений, продолжал традиции Белинского в русской критической мысли.

Последние годы жизни Гончаров провел почти в полном уединении, больной, одинокий. Но до глубокой старости он тянулся к творческой работе. Незадолго до смерти он продиктовал очерк "Май месяц в Петербурге" и др.

27 сентября 1891 года Гончаров умер. В некрологе "Вестника Европы", посвященном писателю, было справедливо сказано:

"В лице Гончарова... сошел со сцены последний из крупных людей сороковых годов. Подобно Тургеневу, Герцену, Островскому, Салтыкову-Щедрину Гончаров всегда будет занимать одно из самых видных мест в нашей литературе".

^TIX^U

Буржуазно-дворянская критика пыталась в свое время объявить Гончарова аполитичным, не

связанным с общественной борьбой своего времени писателем. Советское литературоведение отбросило это глубоко ошибочное толкование творчества художника. Нельзя считать аполитичным и равнодушным к общественным вопросам писателя, с такой огромной силой обличившего обломовщину, как порождение крепостного строя.

В своем другом романе "Обрыв" Гончаров также пытался - правда неудачно - повлиять на взгляды молодого поколения той эпохи. Как и в произведениях Тургенева, в романах Гончарова видишь их автора, как внимательного и опытного наблюдателя, человека, горячо заинтересованного в важных вопросах жизни, глубоко размышляющего над ее проблемами. И нельзя изучать русскую действительность 40-60-х годов без тщательного изучения романов Гончарова.

Как уже отмечалось, замыслы трех важнейших произведений Гончарова относятся к 40-м годам, к периоду наибольшей близости писателя к демократическим идеям, отражавшим протест народных масс против феодально-крепостнического строя. Крепостничество было ненавистно Гончарову. В письме к Языковым в 1852 году он отмечает, что его тяготит "недостаток разумной деятельности, сознание бесполезно гниющих сил и способностей", подавленных в русской жизни крепостным строем. Это сознание мешало ему "свободно дышать", и оно нашло свое выражение в критике обломовщины.

Подобно другим представителям русского буржуазного просветительства, охарактеризованного В. И. Лениным, Гончаров выступал против крепостничества во всех его видах, за развитие просвещения и культуры.

В решении важнейшего вопроса о путях преобразования крепостной России Гончаров оказался в плену либеральных взглядов и настроений. Однако великий русский романист никогда не был апологетом современной ему буржуазно-капиталистической действительности. До конца жизни Гончарова не покидала надежда, что придет "новая, светлая, очищенная жизнь, где будет... больше правды и порядка, чем было в старой..." Гончаров верил в могучие творческие силы русского народа, в светлое будущее своей любимой родины, в то, что новым поколениям, как он говорил, "выпадет на долю достраивать здание русской жизни по какому-нибудь еще теперь невиданному плану..."

Главным критерием в искусстве для Гончарова была правда жизни. И когда в его творчестве - глубокое знание действительности соединялось с прогрессивными взглядами, им создавались такие гениальные произведения русской литературы, как "Обломов". Следуя правде жизни, выступая критиком недостатков современного ему общества, Гончаров поддерживает и развивает великие традиции гоголевского направления в русской литературе, являясь сам одним из замечательных его представителей.

Вместе с тем, когда он пытался решить возникшие перед русской жизнью социально-политические проблемы в тот момент, когда в ней "все перевернулось", Гончарову нехватало знания и понимания действительности и глубины мировоззрения.

Но и в тех немногих случаях, когда под влиянием ошибочных взглядов, в силу ограниченности своего мировоззрения Гончаров отступал от жизненной правды, он переживал трагедию большого и честного художника, глубоко верившего в правильность своих идей и представлений, которые, однако, не находили сочувствия в передовом читателе. Вот почему в ответ на критику своего последнего романа он так страстно, так настойчиво пытался доказать правильность своего понимания путей прогрессивного, как ему представлялось, развития русской жизни. И даже те произведения писателя, которые содержали ошибочные идеи, проникнуты глубоким и чистым нравственным чувством, высокими моральными требованиями к обществу и человеку. Таковы очерки "Фрегат "Паллада", в которых, несмотря на симпатии Гончарова к буржуазному "прогрессу", так много искреннего и глубокого отвращения к его конкретным проявлениям в жизни. Таков роман "Обрыв" с его

прославлением серьезного отношения к искусству, к творческому труду, с разлитой в нем поэзией любви, с отразившимся в его картинах восхищением перед родной природой, с горячей любовью к матери-родине, имя которой - Россия. И демократическая критика, всегда прямо и резко указывавшая Гончарову на его ошибки, на объективный их вред, никогда не относилась Гончарова в стан защитников и слуг реакции.

^ТХ^U

Гончаров считал себя учеником великих основоположников новой русской литературы - Пушкина и Гоголя. "От Пушкина и Гоголя в русской литературе теперь еще пока никуда не уйдете, - писал он в конце 70-х годов. - Школа пушкино-гоголевская продолжается доселе, и все мы, беллетристы, только разрабатываем завещанный ими материал".

Новейшие исследования творчества Гончарова отмечают многосложные и разнообразные связи писателя с Пушкиным и Гоголем. В Гончарове, справедливо замечает А. Г. Цейтлин, "пленают такие отличительные черты Пушкина, как величайшая гармония частей, глубокое соответствие формы и содержания. Пушкин для Гончарова - классик, обладающий величайшим чувством меры, труднейшим искусством вкладывать глубокое значение в предельно простую и сжатую форму". В близких сердцу Гончарова образах Веры и Марфиньки ощутимо влияние женских образов "Евгения Онегина" Пушкина. На связь Адуева-племянника с пушкинским Ленским указал Белинский; Гончаров воспринял у Пушкина метод всесторонней и глубокой психологической характеристики героев.

Влияние критического реализма Гоголя особенно сказалось на "Обломове". Гончаров доводит до совершенства воспринятое у Гоголя умение раскрыть связи человека с окружающим его бытом и материальной обстановкой, с общественной средой.

Среди писателей-современников Гончаров как художник занял своеобразное место.

Особенности реалистического искусства Гончарова заключаются прежде всего в том, что он стремится к всестороннему изображению жизни, к обрисовке действительности во всей полноте и всех ее связях, к раскрытию и социальных, и культурных, и морально-психологических ее сторон и отношений. Добролюбов справедливо указывал, что Гончаров "не поражается одной стороной предмета, одним моментом события, а вертит предмет со всех сторон, выжидает свершения всех моментов явления и тогда уже приступает к их художественной обработке..." Жизнь раскрывается Гончаровым в ее развитии, в конфликтах нового со старым. По словам самого писателя, его всегда интересовало "состояние брожения, борьба старого с новым в русском обществе"; он следил "за отражением этой борьбы на знакомом ему уголке, на знакомых лицах". Для художественного метода Гончарова характерно воспринятое им несомненно у Гоголя и развитое дальше умение сочетать большую обобщающую картину жизни с детальным анализом ее явлений. Сам писатель указывал, что творческая разработка избранной им темы всегда начиналась с общего представления о ней, с охвата творческим сознанием и фантазией всего явления в целом. "Я писал медленно, потому что у меня никогда не являлось в фантазии одно лицо, одно действие, а вдруг открывался перед глазами, точно с горы, целый край, с городами, селами, лесами и с толпой лиц, словом, большая область какой-то полной, цельной жизни. Тяжело и медленно было спускаться с этой горы, входить в частности, смотреть отдельно все явления и связывать их между собой".

Подвергая анализу психологические переживания своих героев, описывая быт, предметы, Гончаров все время имеет в виду необходимость обобщения, типизации. "В этом умении охватить полный образ предмета, отчеканить, изваять его, - замечает Добролюбов, - заключается сильная сторона таланта Гончарова". Гончаров всегда тяготел к раскрытию, как он говорил, "сути жизни, ее коренных основ", к широкому эпическому отображению действительности, за что, в частности, он высоко ценил произведения Л. Н. Толстого. По его

словам, Толстой, "как птицелов сетью, накрывает своей рамкой целую панораму всякой жизни и пишет sine iga"... и "ничто из того, что попадает в эту рамку, не ускользает от его взгляда, анализа и кисти". Таков был метод и самого Гончарова.

Характеризуя Гончарова, как автора "Обыкновенной истории", Белинский пишет: "Он поэт, художник - и больше ничего. У него нет ни любви, ни вражды к создаваемым им лицам, они его не веселят, не сердят, он не дает никаких нравственных уроков ни им, ни читателю, он как будто думает: кто в беде, тот и в ответе, а мое дело сторона".

Нередко приведенную оценку Белинского трактуют как якобы доказательство бесстрастия и равнодушия Гончарова как писателя к общественным вопросам, к нуждам жизни. Это неправильное понимание слов великого критика. Белинский, как известно, первый указал на большое общественное содержание и значение романа Гончарова "Обыкновенная история". Белинский характеризует здесь особенность творческого метода писателя, стремившегося к максимальной объективности изображения, мыслившего только образами. Однако несомненно, что по сравнению, например, с Герценом Белинский правильно отмечает недостаток "субъективного элемента", непосредственного проявления отношения писателя к изображаемому в творчестве Гончарова. Этот субъективный элемент, столь важный в художнике и особенно присущий писателям критического направления в русской литературе, усиливается в "Обломове", проявляясь в лиризме и в том тонком юморе, который принадлежит к числу особенностей Гончарова как художника. Автору "Обломова" в высшей степени была свойственна крыловская лукавая насмешка, двумя-тремя штрихами подчеркивающая отрицательные стороны и эпизоды жизни. При этом к юмору Гончарова нередко примешивалась и гоголевская горечь, свидетельствующая о неудовлетворенности писателя окружающей его действительностью.

Искусство Гончарова замечательно своими описаниями, портретной живописью, той изумительной "способностью рисовать", которая была отмечена еще Белинским. Сам Гончаров указывает на свое увлечение живописью слова, передачей в рисунке и красках виденных им картин действительности. Горький видел в Гончарове художника, одного из "великанов литературы нашей", которые "писали пластически, слова у них - точно глина, из которой они богоподобно лепили образы людей, живые до обмана".

Гончаров своим, по определению Белинского, "чистым, правильным, легким, свободным, льющимся языком" сыграл большую роль в развитии русского литературного языка. Гончаров стремился к ясной, точной и вместе с тем живописной речи, широко используя богатство народного языка, нигде не впадая в натуралистическое увлечение вульгаризмами, диалектизмами и т. п. Особенно богаты ярким и выразительным художественным словом знаменитые гончаровские описания картин природы, бытовых сцен, окружающей героев обстановки. У Гончарова всегда хорошо отделана фраза. Тургенев, по его признанию, "восхищался слогом "Обломова" и "Обыкновенной истории".

Высокую оценку языка Гончарова как писателя дал М. И. Калинин. "Такие русские писатели, как Гончаров и Тургенев, - указывал он, - уделяли очень большое внимание родному языку, кропотливо отделявая каждую фразу своих произведений". М. И. Калинин призывал учиться у Тургенева и Гончарова "форме русского языка" и указывал, что "источники языка" - это Пушкин, Гоголь, Гончаров, Горький и другие наши классики.

Гончаров - великий русский романист. Созданные им три романа принесли ему славу, и именно в романе Гончаров, вслед за Белинским, видел наиболее современную, гибкую и совершенную форму правдивого художественного воспроизведения жизни. "В наше время газеты и роман сделались очень серьезным делом, - говорит Гончаров словами одного из своих героев. - Газета - это не только живая хроника современной истории, но и архимедов рычаг,двигающий европейский мир политики, общественных вопросов; а роман перестал быть забавой: из него учатся жизни. Он сделался руководствующим кодексом к изучению

взаимных отношений, страстей, симпатий и антипатий... словом, школой жизни".

Творчество Гончарова сыграло большую роль в развитии русского реалистического романа. Своими большими эпическими полотнами, на которых уместилось так много образов и картин жизни, Гончаров подготавливал появление в русской литературе грандиозных композиций Льва Толстого. Романы Гончарова, Тургенева и Толстого определили исключительное значение русского романа в развитии мировой литературы.

Лучшие произведения Гончарова принадлежат к тому великому наследию русской классической литературы, которое имеет всемирное значение и составляет славу и гордость нашей родины.